

Ирина Ракова

**РЕАЛЬНОСТЬ
ПОПОЛАМ**

ЧАСТЬ 1

Глава 1

– Жанна, – цедит сквозь зубы брат, плюхаясь рядом со мной на диванчик. – Ненавижу её.

– Что на этот раз? – сочувственно спрашиваю я, откладывая книжку.

Встречаюсь с ним глазами – в его, обычно тёплых и карих, сейчас полыхает костёр. Мои – не такие. Серые, спокойные и скучные, как холодная стоячая вода.

– Плохо пол помыл, ты понимаешь? Где-то там в углу её чёртовы волосины остались, а у неё ещё совести хватает нос свой корявый брезгливо морщить, и говорить, что это твои! Как будто не видно разницы – моя сестра не какая-нибудь безмозглая блондинка!

Вздыхаю, откидываясь к стене и привычно стучаясь затылком о прохладную эмаль спинки кровати. Думаю, Жанна была серьёзна, предъявляя обвинение – волосы у нас с ней примерно одинаковой длины, а зрение у неё плохое.

– А потом она стояла надо мной с калькулятором и считала, – продолжает Руслан, – сколько она бы заплатила уборщице за такую паршивую работу, и сколько ей обходится прокормить нас и одеть!

Слова у него заканчиваются, а эмоции всё ещё распирают, поэтому он просто утыкается лицом в ладони и рычит. Машинально протягиваю руку, чтобы запустить пальцы в его волосы и слегка потрепать их фирменным успокаивающим жестом «старшая сестра». А старше я на год и четыре месяца, и этот нервный паренёк – мой лучший и единственный друг. Единственный – с тех пор, как умерла мама.

– Давай сбежим, – говорю бесцветным голосом. – Прибьёмся в какой-нибудь детдом. Может, там будет лучше, как считаешь? Осталось-то чуть больше двух лет потерпеть. А потом я найду работу и оформлю опеку над тобой.

Я произношу это очень тихо, почти шёпотом, но всё сжимается внутри при мысли о том, что бы с нами сделала Жанна, если бы вдруг услышала.

Он недоверчиво смотрит на меня. Мы только что поменялись ролями – обычно это он подговаривает меня совершить какой-нибудь опрометчивый поступок, а я холодным разумным тоном успокаиваю его и отговариваю от безумной идеи.

– Ты так шутишь, да, Кать?

Дверь распахивается, и мы подпрыгиваем, хватаясь за руки и перепуганно глядя на Жанну. Нет, конечно, она не могла слышать последнюю мою фразу, даже если бы подслушивала у двери.

– Ужин, – презрительным тоном говорит эта женщина, постукивая ногтем по циферблату наручных часов, резко разворачивается и уходит, закрыв за собой дверь.

– Она же не... – выдавливает из себя Руслан.

– Нет, – отвечаю твёрдо. – Просто мы опаздываем на ужин аж на три минуты. Какое свинство с нашей стороны!

Она мамина двоюродная племянница. До того, как мама ушла, мы её и видели-то всего несколько раз, на семейных торжествах. И ни разу у меня не возникало к ней приязни – холодная, высокомерная, всегда стояла поодаль от толпы доброжелательных родственников и смотрела на всех с презрением.

Однако же, когда пришло время, лишь она одна из всей этой добродушной толпы согласилась взять нас к себе. Мы с братом довольно быстро сошлись во мнениях, зачем она это сделала: очень удобно, должно быть, такой, как она, иметь под рукой кого-то, на кого можно изливать свою желчь.

– Мы сделаем это, – шепчу брату на ухо прежде, чем последовать за ней. – Скоро.

Стол уже накрыт по всем правилам, словно Жанна ужинает не с двумя ненавистными ей приёмными, а ждёт в гости как минимум директора крупной компании. К пище и посуде она нас не подпускает – готовка для неё святое, нам остаётся чёрная работа вроде стирки, глажки, уборки.

Первое, второе, салат, десерт. Белая скатерть, голубые салфетки. Сияющие столовые приборы, ножи и ложки справа, вилки слева. Твёрдые деревянные стулья

с высокой прямой спинкой. Сутулиться нельзя. И тишина. Разговаривать за едой тоже нельзя.

Я боюсь поднимать глаза, словно Жанна может случайно прочитать в них мои намерения. Боюсь за брата – не нужно было ему пока говорить, у него всегда всё как маркером на лбу написано. И посмотреть на него не могу, тоже боюсь – вдруг она сочтёт это заговорщическим жестом.

Впиваюсь зубами в нежное мясо, словно стараясь загрызть свой страх. Это действительно очень вкусно. У мамы никогда не получалось так готовить. И денег постоянно не хватало – ни на еду, ни на одежду. С Жанной у нас деньги на карманные расходы есть всегда, мы носим хорошие дорогие вещи и едим мясо трижды в день – один такой ужин стоит столько, сколько раньше нам хватило бы на пару недель. Зато тогда у нас были разговоры и смех за столом, дни без презрительных взглядов и попрёков по каждой мелочи, и ощущение того, что всё, что у нас есть – наше.

И мама... Дыхание перехватывает, я на секунду забываюсь, и из памяти тут же вырывается наружу родной образ, встаёт перед глазами.

МАМА!

Позволив себе мысленно, с отчаянием выкрикнуть это слово, тут же усилием воли беру себя в руки и обнаруживаю, что бессовестно смотрю прямо в глаза Жанне. В них странное выражение. Затем происходит что-то необъяснимое.

Всё кругом идёт волнами, и сама Жанна – рябью, словно помехи в телевизоре. Это длится буквально мгновение, потом проходит.

Она хмурится – если бы не правило молчать за едой, думаю, с меня бы сейчас грозно спросили за наглый взгляд. Поспешно утыкаюсь глазами в тарелку, но не выдерживаю и кошусь на Руслана – тот тоже смотрит на бифштекс, но выглядит совершенно нормально.

И что это было?

– Екатерина, зайди ко мне в комнату через полчаса, – приказывает Жанна сразу после ужина.

– Одна? – неуверенно оглядываюсь на брата – нагоняи мы обычно получаем вместе, даже если виноват только один из нас.

– Одна, – подтверждает она.

Мы топаем наверх, пока наша опекунша моет свою драгоценную посуду, и Руслан толкает меня локтем в бок.

– Она всё-таки слышала, да? – жалобно спрашивает он меня.

– Вряд ли, – меня сейчас волнует не это. – Ты... ничего странного не заметил во время ужина?

– Эээ... Странного? Я заметил Жанну. Мне кажется, это странно – в тридцать два года, с таким домом и кулинарными способностями – и не замужем. Наверное, поэтому она и злая такая.

– Она и в двадцать два такой была, – отмахиваюсь я. – Так что это скорее причина, а не следствие. Нет, серьёзно?

– Серьёзно? Нет, вроде. Но ты же знаешь, я не сильно наблюдательный. А ты что заметила?

Отвожу глаза. У меня обычно нет секретов от брата – он всегда в курсе моих месячных, предпочтений по поводу мальчиков в школе, мелких девчачьих проблем вроде выбора косметики или бритья ног и прочего.

– Нет, ничего, просто показалось.

И сейчас я, пожалуй, в первый раз что-то от него скрываю. И Руслан, конечно, понимает это. Почему я так поступаю? Точно сказать не могу, что за муха меня укусила.

Необходимость делать уроки избавляет нас на время от возникшей неловкости, и мы утыкаемся в учебники и тетрадки, молча, каждый в своём углу.

– Тебе пора, – ровным голосом говорит Руслан через какое-то время.

– Что? – поднимаю голову, выдернутая не столько из алгебры, сколько из собственных размышлений.

– Полчаса прошло, – он кивает на часы на стене.

– Чёрт, точно, – подсакиваю. – Что бы я без тебя делала!

Не хватало ещё опоздать – она этого терпеть не может.

– Входи.

Жанна стоит посреди комнаты, глядя на меня. Интересно, давно она так стоит, поджидая?

У неё светло-русые прямые волосы ниже плеч, голубовато-серые маленькие глазки, острые и холодные, под стать её характеру, тяжёлый нос с горбинкой и тонкие губы. Хотя губы, может быть, и нормальные – просто я ни разу не видела их неподжатыми.

Аккуратно прикрываю дверь и, собрав всё своё мужество, встаю напротив неё, глядя прямо в глаза.

Несколько секунд она молчит и не двигается. Затем начинает говорить – с места в карьер, как обычно.

– Тебе скоро шестнадцать. Я решила, что ты уже достаточно взрослая, чтобы начать работать.

«Ты решила?» – хочется мне крикнуть. – «Да кто тебе дал право решать за меня?»

Вместо этого молчу и вежливо улыбаюсь. Если она пытается вывести меня из себя, то не дождётся. В конце концов, может здесь она и права, учитывая, что мы с братом сидим у неё на шее.

– У моих знакомых есть кафе неподалёку, – не дождавшись моего ответа, она отворачивается к окну – её руки сцеплены за спиной. – Они согласны взять тебя официанткой.

Киваю спине Жанны, потом, сообразив, что она меня не видит, и что неприлично уже так долго хранить молчание, выдавливаю: «Хорошо». Если она успела договориться с кем-то, значит, не произошедшее за ужином тому виной.

Она поворачивается ко мне боком, её некрасивый профиль выделяется на фоне вечернего неба:

– Надеюсь, ты не думаешь, что это тебя освобождает от обязанностей по дому?

Конечно, не думаю. Это было бы слишком великодушно для Жанны. Но при мысли о том, что мне придётся после школы бежать на работу – сколько там смена у официантов, часа четыре? – потом домой, прибираться, стирать, гладить – мне

становится не по себе. Руслан охотно помог бы мне, да Жанна не Жанна, если не проследит, чтобы этого не случилось.

– Что-то не так? – вопрошает опекуна, вглядываясь в моё лицо; в глазах у неё насмешка. – Мне показалось, у тебя появилось слишком много свободного времени, раз ты начала заниматься ерундой.

Я старательно делаю вид, что не понимаю. Значит, всё-таки слышала – или она о чём-то другом?

Глава 2

– Катя, ну нельзя бить посетителей! – Рита на секунду закрывает лицо рукой, затем убирает её и придвигается ко мне, глядя в глаза. – Тем более важных шишек.

– Он схватил меня за... пятую точку! – возмущаюсь я.

Администратор смотрит на меня долгим взглядом, потом вздыхает и начинает объяснять, как ребёнку:

– Он был пьян – это раз. Ты красивая молодая девушка – это два. Он богат и чувствует себя хозяином этой жизни, а ты официантка, его прислуга – это три. Знаешь, что в такой ситуации делают наши девочки? Хихикают и убегают. Он же тебе не ноги раздвинул, правда? Ты в автобусе в час пик когда-нибудь ездила? Тоже всем, кто до тебя дотронется, пощёчины раздавала?

Молчу, насупившись и глядя на резную дощечку на стене. На ней искусно вырезан пейзаж: речка, раскидистые деревья по берегам, несколько домиков вдали. Листья деревьев выложены янтарной крошкой.

– Сегодня твой первый день, так что пока ты отделяешься предупреждением, – машет на меня рукой Рита. – Но ещё раз что-нибудь подобное произойдёт – и ты отправляешься на кухню мыть посуду. У меня всё. Свободна.

Киваю, буркаю «до свидания» и пулей вылетаю из её кабинета. Пятнадцать минут седьмого.

У моего шкафчика, прислонившись спиной, стоит другой официант, Паша, высокий смуглый парень – он уже давно переоделся, меня ждёт, должно быть.

– Ну как? – спрашивает он. – Сильно влетело? Не уволили?

Мотаю головой, пока вожусь с замком. Это он вовремя оттащил меня от того... нехорошего человека, не дав устроить скандал, и извинился со смехом. А потом оставшиеся два часа ободряюще улыбался каждый раз, как проходил мимо, и похлопывал по плечу, если руки были свободны.

– Тебе в какую сторону?

Поднимаю на него глаза.

– Ты не думай, я не пристаю, – Паша выставляет руки в комичном жесте, словно защищаясь от пощёчины. – Просто вдруг тебе скучно одной идти.

– Не, нормально, – выпаливаю поспешно, и тут же краснею. – Прости. Спасибо за... в общем, спасибо.

– Не за что. Ну, до завтра.

Паша с некоторым разочарованием машет рукой и шагает к выходу, а я на пару секунд зависаю, глядя вслед. Интересно, сколько ему лет? На вид – около восемнадцати.

Опомнившись, хватаю одежду и бегу в раздевалку, а после выскакиваю из кафе и почти бегом несусь к дому Жанны, суетливо высматривая по сторонам фигуру Паши – было бы неловко обнаружить, что нам с ним всё-таки по пути.

Быстрым шагом дорога займёт около пятнадцати минут, которые мне кажутся непозволительной тратой времени. Мимо проезжает девушка на велосипеде с рюкзаком на спине. Дорога идёт с еле заметным уклоном, и она даже не крутит педали, лишь направляя руль в нужную сторону, чтобы объехать пешеходов. Шины мягко шуршат по асфальту. Я заглядываюсь на неё.

Возможно, было бы разумным сказать Жанне, что мне нужен велосипед – она мигом купит. Если у неё, конечно, нет цели заставить меня бегать туда-сюда с высунутым языком, что вполне вероятно. Я, правда, не умею ездить... Но почему бы и не научиться – глядя на ту девушку, это занятие не представляется таким уж трудным...

И тут приходит осознание, что я планирую на много дней вперёд, как буду носиться в новом ритме из школы на работу и домой, с велосипедом или без, и

совсем забыла про намерение сбежать, так чётко обозначившееся вчера в моей голове!

Останавливаюсь как вкопанная посреди тротуара, и в меня сзади чуть не врезается пожилая женщина с объёмистым пакетом.

– Извините, – бормочу, отхожу к высокому бордюру и усаживаюсь на него. Велосипед? К чёрту. Мы сделаем это сегодня. Мы уйдём от Жанны.

– Ты долго, – произносит она, красноречиво указывая кивком головы на часы.

Без пяти семь.

– Пришлось задержаться на работе, – равнодушно бросаю по пути в ванную.

Вымыв руки, сразу же отправляюсь за стол. Обычно к этому времени я уже успевала переделать всю работу по дому и даже начать уроки. Сегодня придётся поздно лечь спать – а жаль, не мешало бы хоть чуть-чуть выспаться перед тем, что я задумала.

За ужином мы, как обычно молча, уминаем луковый суп и тефтели с грибами. Расправившись с фруктовым салатом и чаем, привычно составляю свою посуду на мойку и поднимаюсь наверх, забежав предварительно в ванную за охапкой полезностей: две тряпки для пыли, пушистая щётка, три вида чистящих средств, два ведра для воды, швабра, щётка для окон.

Я надраиваю стекло на лестничной площадке, когда наверх поднимается Руслан, бросает на меня виновато-сочувственный взгляд и идёт к себе в комнату. Видимо, Жанна уже потолковала с ним.

На часах половина десятого, когда я наконец заканчиваю. Падаю на свою кровать и обречённо смотрю на стопку книг и тетрадей. Потом до меня доходит, что они мне не понадобятся, если всё удастся. А не удастся – никакие взбучки от учителей не сравнятся с разгневанной Жанной.

Брат легонько скребётся в дверь и проскальзывает в комнату.

– Сегодня в три часа ночи сваливаем, – шепчу ему. – Рюкзак заранее собери, только не шуми.

Он почему-то смотрит на окно. Усмехаюсь.

– Да через дверь уходим, чудик. Я знаю, как новая сигнализация отключается. Я уже это делала.

Отводит взгляд. У меня внутри разливается нехорошее чувство.

– Ты чего?

– Я боюсь, Кать. Если... если вдруг не получится...

– То что? Что будет?

– Ну, ты же знаешь Жанну...

– Руслан, – пытаюсь взять себя в руки и говорить спокойно и рассудительно. – Если у нас не получится, Жанна взбесится, будет на нас орать, оставит без еды на три дня, в самом худшем случае – поднимет на нас руку. Это что, сильно отличается от того, как мы каждый день здесь живём? Если будет совсем плохо, можно настучать в органы опеки, сказать, что... ну, наврать что-нибудь. А теперь представь, что мы просто останемся, и так будет всегда – по крайней мере, до тех пор, пока мы не будем в состоянии сами себя обеспечивать. Что выбираешь?

– Не знаю, – мнётся брат. – Наверное, ты права.

Но по его глазам-то видно, что он так не думает. Поэтому я решаюсь на крайние и, на мой взгляд, довольно подлые, меры.

– Ну, если ты не хочешь, – вздыхаю, – то, наверное, лучше не стóит. Забей. Ложись спать.

Он, наконец, смотрит мне прямо в глаза. Без улыбки. Какой он у меня, всё-таки, умный мальчишка. Всё понял. И мою куцую хитрость, и мои угрызения совести по этому поводу. И моё отчаяние.

– Ровно в три? – тихо спрашивает он.

– Я приду к тебе в комнату, – тянусь к нему, чтобы обнять. – Как же я тебя люблю.

Глава 3

– Вот и всё, – шепчу, когда приборчик на стене у входной двери тихо пикает.

Медленно, с облегчением выдыхаю. Боялась, что Жанна накануне изменила код, который я подглядела несколько дней назад – она совсем и не старалась его утаить от меня. Помнится, она сама как-то утром нечаянно ткнула не ту цифру – сигнализация зашла ушераздирающим звоном.

Руслан не отвечает, только одобрительно сжимает моё плечо и очень аккуратно приотворяет дверь, чтобы пропустить меня вперёд, навстречу благоухающему свободой свежему ночному воздуху.

Послушно делаю шаг вперёд, но тут же замираю на месте. Сердце делает опасный кувырок.

Снова эта рябь!

Всё вокруг на мгновение вздрагивает, теряя реалистичность очертаний, превращаясь из привычного, объёмного и осязаемого мира в плоскую картинку.

– Ты чего? – брат смотрит на меня круглыми глазами, а я, как дура, стою в дверях на пороге нашего побега.

Шёпотом чертыхаюсь и решительно проскальзываю в дверь – и так уже потеряны драгоценные секунды, нет нужды тянуть дальше. Пытаюсь придержать дверь, когда та закрывается – но дрожащие пальцы промахиваются и дверь захлопывается со смачным стуком.

Мы застываем, прижавшись к стене – окно её спальни прямо над нами. Но она нас не увидит под дверным козырьком, даже если выглянет.

Всё тихо. С облегчением вдыхаю ночной воздух с легким запахом дыма, киваю Руслану, и мы начинаем двигаться вдоль стены к другому крылу дома – опять же, подальше от окна спальни. Проходим прямо под камерой, и я с трудом отказываю себе в удовольствии показать неприличный жест – наверняка Жанна будет просматривать запись после того, как обнаружит наш побег.

Краем глаза замечаю резкое движение со стороны брата, и первой приходит мысль, что он от этого жеста всё-таки не удержался. Но Руслан лишь пытается привлечь моё внимание. Тыкает меня пальцем в бок и с потрясающим отчаянием на лице указывает назад, на входную дверь.

Дверь дымится.

Искры проводок, ведущий к домофону. Должно быть, его каким-то образом пережало, когда закрывалась дверь.

Гаснут лампы по периметру дома – выбило пробки. Что ж, нам это только на руку. Пожимаю плечами и иду дальше.

Руслан снова дёргает меня за рукав. Нетерпеливо разворачиваюсь – чего он так распереживался?

Мне плохо видно его лицо, во-первых, потому что темно, а во-вторых... его волосы подсвечены сзади бликами от пламени, которое охватило козырёк над дверью!

У меня отвисает челюсть. Как, чёрт побери? Со всеми этими Жанниними примочками безопасности, пожароустойчивыми стройматериалами, умной электроникой – как такое возможно? Но козырёк горит весело и ярко. Похоже, строители Жанну надули.

Я знаю, почему у брата такое выражение на лице. Мысленно вижу, как пламя растёт всё выше, выше, как загорается противомоскитная сетка в открытом окне, как огонь перекидывается на тяжёлые бархатные шторы.

– Сейчас сработает сигнализация, – шепчу. – Приедут пожарные.

– Они не успеют, – почти стонет Руслан.

– Ну и чёрт с ней, – отрезаю я и снова разворачиваюсь. – Мы неблагодарные сволочи, забыл?

Но не двигаюсь с места.

Потому что за спиной слышатся торопливые шаги, а мгновением позже – прорезающий тишину крик брата: «ЖАННА!»

Снова чертыхаюсь. Телефонов у нас с собой, конечно, нет. Я прекрасно знаю, как легко отследить активную симку.

– Беги лучше к соседям. Буди, кричи «пожар», – говорю брату в полный голос, и тоже начинаю орать: – ЖАННА!

Неподалёку заходится лаем собака. Подбегаю ближе к окну, мысли как сумасшедшие роятся в голове.

– ЖАННА, ПРОСНИСЬ! ЖАННА! ПОЖАР!

Мои крики смешиваются с воплями очнувшейся сигнализации. Дым и нагрузка на голосовые связки провоцируют кашель. Где-то рядом слышны крики Руслана. Краем глаза вижу, как зажигается свет в окнах соседей. Хорошо.

– ЖАННА!

Дверь! Изнутри она закрывается на замок–здвижку, но его мы открыли, когда выходили, а магнитный замок не работает без электричества. Как я раньше не додумалась!

Влетаю в дом, хватаю с вешалки первое, что попало под руку – один из её шёлковых платков, кажется, судорожно мочу его под краном на кухне. Изысканная ткань очень плохо смачивается. С внутренней болью трачу на это несколько драгоценных секунд. Затем стремглав несусь наверх, прижимая платок к лицу, молясь, что у Жанны нет привычки закрывать дверь на ночь изнутри.

Комната уже наполнена дымом, и я на мгновение теряюсь, не понимая, где искать опекушу. Потом вспоминаю, в какой стороне кровать.

Сквозь пелену дыма моим глазам предстаёт картина, которая в любой другой ситуации показалась бы забавной: всегда такая строгая, прилизанная Жанна сидит на кровати совершенно растрёпанная, ненакрашенная, и к тому же с заспанным и отчаянно-перепуганным выражением лица.

Не раздумывая, хватаю её за руку и тащу вон из комнаты. Сначала она словно бы сопротивляется, но потом идёт покорно, спотыкаясь об порог.

Уже на улице наклоняется, и её рвёт на газон. Тоже чувствую позывы, но сдерживаюсь, судорожно глотая ночной воздух и во все глаза глядя на полыхающий дом. Руслан подбегает и крепко меня обнимает. Скорей осежаю, чем слышу его сдерживаемые всхлипы. Кто-то из соседей накидывает тёплый махровый халат на плечи Жанне, и, зачем-то, куртку на меня – хотя я и так тепло одета. Видимо, своеобразный жест сострадания.

И совсем уже не удивляюсь, снова ощущая дрожь мироздания, когда наши с ней глаза, наконец, встречаются.

Глава 4

– Прости, – выпаливаю, едва открыв дверь. – Непредвиденные обстоятельства... Давно ждёшь?

Паша неопределённо мотает головой, улыбается, как всегда, и, протянув руку, легонько проводит большим пальцем по моей щеке. Я чувствую, как всё тело будто током пронзает и прикрываю глаза на мгновение, но тут же с ужасом кошусь на окна над нами – не дай бог, увидит Жанна, или, что ещё хуже, – Руслан.

– Поехали уже, – бормочу, неловко залезая на велосипед.

Да, я всё-таки его купила.

Опекунша лишь отмахнулась, когда я принесла свою первую зарплату. Я настойчиво протянула ей деньги, намекнув, что это хоть частичная компенсация за то, что мы «сидим у неё на шее». Она ухмыльнулась насмешливо и заявила, что такие копейки погоды не сделают.

Это было обидно. Со злости пошла и на все деньги купила велосипед – не самый дорогой, конечно, но неплохой.

Однако ездить на нём оказалось не так просто, как мне думалось. Бросила бы вообще эту затею, если бы не Паша. Он тут же раздобыл где-то у знакомых старенький, советский еще, велосипед, и делает теперь каждый день большой крюк, чтобы проводить меня на работу – и ещё один крюк обратно, с работы. Помогает советами, поднимает с земли после падений, заклеивает пластырем ободранные об асфальт колени и локти.

– Катя! – слышится крик сзади, стоило мне отъехать от дома метров на двадцать. – Ты рюкзак забыла!

От неожиданности пытаюсь развернуться прямо на ходу, и неотвратимо заваливаюсь на бок. Меня подхватывает Паша, бдитительно ехавший чуть позади. Падает сам, проезжаясь коленом по асфальту, но всё же смягчает моё падение. Добродушно смеётся, сжимая меня в объятиях, из которых я сразу же высвобождаюсь и спешу – пешком – к крыльцу, чтобы взять сумку из рук брата.

Руслан отводит глаза. Мы перестали быть лучшими друзьями.

Я ему никогда не говорила про Пашу. Он видит сам, прекрасно видит, что происходит между нами двумя – но я ни разу не обсуждала это с ним, с моим самым близким человеком, от которого у меня раньше не было секретов.

И причина даже не в этом.

Стена между нами была воздвигнута в ночь пожара. Никогда не забуду его взгляда, когда мы, вымотанные, уже под утро поднялись на второй этаж пропахшего гарью дома, чтобы попробовать уснуть – Жанна осталась спать внизу, на диване.

– И ты бы ушла? – судорожным шепотом спросил он меня, впившись в лицо глазами; его брови сжались, образовав тугий валик над переносицей. – Ты бы бросила её умирать, и ушла бы?

Не дожидаясь ответа, он скрылся в своей комнате, хлопнув дверью, оставив меня со следом в душе, как от пощёчины, и текущими по щекам горячими дорожками слёз.

И теперь каждый раз, как он смотрит мне в лицо, даже если он тепло улыбается в своей обычной манере, вижу в его глазах упрёк: ты бы ушла... я верил тебе, я восхищался тобой, я следовал за тобой... а ты бы ушла!

– Всё нормально? – вскидываю голову, чтобы наткнуться на внимательный Пашин взгляд.

– Да, – выдавливаю из себя самую искреннюю улыбку, на которую сейчас способна. – Просто задумалась.

– Прости, – говорит он после небольшой паузы.

– За что?

– Не надо было тебя так... э-э-э... щупать. Я не специально. Просто так получилось. Я не собирался, правда.

Удивлённо смотрю на него несколько секунд, забыв следить за дорогой, затем начинаю смеяться.

– Забудь, – говорю ему, отсмеявшись. – Я не о том задумалась.

– О Руслане?

Я и не подозревала, что он всё понял. Но обсуждать с ним своего брата не хочу, словно не желая усугублять своё предательство, не желая добавлять лишний кирпичик в воздвигнутую стену.

С того пожара прошло два месяца. Или Жанна умудрилась в суматохе не заметить нашу попытку бегства, или из благодарности за спасение закрыла на неё глаза – в любом случае, нам это сошло с рук. Причина пожара была списана на бракованный домофон. Жанна как-то обмолвилась, что можно было бы и в суд подать на компанию, но делать этого не стала. Что, кстати, странно с её стороны. Нам бы в случае расследования не поздоровилось – следователи, конечно, стали бы просматривать записи с камеры видеонаблюдения.

Прошло два месяца, наступили каникулы, и работы у меня теперь на полный день. А вот у Руслана появилось свободное время, и он может позволить себе заскочить в наше кафе время от времени. Говорит, что ему нравятся наши пирожные (страшный сладкоежка). А мне кажется, что несмотря ни на какие стены, он просто понимает, как сестре приятно бывает видеть его кареглазую рожицу.

– Ещё вот это не пробовал, – заявляет Руслан, тыкая пальцем в меню. – Хотя, не люблю кофейные. Хотя, надо попробовать.

Я так рада ему – не думала, что он придёт сегодня, после утренней-то сцены.

– Окей. Чай?

– Да, девушка. И побыстрей, я тороплюсь.

Чуть было не отвешиваю подзатыльник нахалу, но, вовремя сообразив, что мне не избежать долгих объяснений, если Рита увидит, просто сообраиваю грозную мину и ретируюсь на кухню. По пути улыбаюсь мысли, что люблю эти моменты, когда кажется, что между мной и братом всё по-прежнему.

До кухни не дохожу – застываю в коридорчике, потому что снова, после двухмесячного перерыва, чувствую знакомую рябь в воздухе. Анализируя прошлый опыт, понимаю, что сейчас что-то произойдёт, и начинаю дрожать.

– Ты чего? – Паша с подносом, вышедший из кухни мне навстречу, тоже останавливается, насторожённо глядя в моё лицо – наверное, побледнела.

– Плохое предчувствие, – признаюсь дрожащим голосом и бросаюсь обратно в зал.

Останавливаюсь на пороге, судорожно обегая глазами столики и немногочисленных посетителей за ними. Руслан в одиночестве ожидает свой заказ, задумчиво глядя в окно. Коротает время молодая семейная пара с ребёнком лет пяти: девочка со смешными хвостиками оживлённо что-то рассказывает вполуха слушающим, воткнувшимся в свои смартфоны родителям. Трое парней, на вид – студенты, молча ждут, пока Паша переставляет еду с подноса им на стол. Может, они? Выглядят подозрительно.

На плечо мягко опускается ладонь вернувшегося Паши – не оборачиваюсь, продолжая следить за посетителями. Замечаю, как мимо окон проезжает знакомый фургончик – продукты привезли, надо идти к служебному входу, помогать разгружать. Кидаю последний взгляд на зал, пожимаю плечами на вопрос в глазах Паши и иду обратно на кухню.

– Ты себя нормально чувствуешь? – осторожно спрашивает он.

Нервно хихикаю.

– Имеешь в виду, всё ли у меня нормально с психикой? Нет, не всё. Я – псих.

– Никто и не сомневался, – встречается в разговор повар Никита, мимо которого мы как раз проходим – я не потрудилась понизить голос. – Нормальный человек не станет избивать посетителей в первый же день. Подождёт, пока хотя бы испытательный срок закончится.

Кисло улыбаюсь. Шуточки на эту тему уже приелись, но ещё не иссякли.

– Ребята, кто свободен – принимаем товар, – Рита высовывается из-за двери.

Паша и Марина, наша новенькая кухработница, идут на зов. Я не свободна. У меня заказ – беру поднос, чистую тарелочку, щипцами достаю пирожное, затем тянусь за кружкой, и тут раздаётся резкий хлопок и несколько вскриков со стороны служебного входа.

Холодея, бросаюсь было к двери, но оттуда уже спотыкаясь, выдвигается нелепое существо с путаницей рук и ног. Отбросив абсурдное первое впечатление, осознаю, что передняя часть существа – это Рита с перепуганным выражением лица, а сзади, захватив девушке локтем шею и приставив к голове пистолет, толкает её, заставляя идти вперёд, мужчина, лица которого не видно.

Не видно, потому что оно закрыто до шеи чёрной шапкой с прорезями для глаз и рта.

Мой тормознутый мозг, вместо того, чтобы решать, что делать, изо всех сил пытается вспомнить, как такая штука называется – слово вертится на языке, но никак не всплывёт на поверхность сознания. Я неподвижно, словно замороженно, смотрю, как существо, преодолев наконец дверной проём, движется вдоль стены, а потом вдоль рабочей поверхности и кухонной техники к коридору.

– Только рыпнитесь, – хриплым голосом предупреждает нас с Никитой мужчина. – И вам придётся здесь всё отчищать от её мозгов.

На нём знакомая сине-зелёная форма фирмы доставки, что всегда привозит нам продукты. Но мы прекрасно знаем парнишек-экспедиторов, которые с нами работают – и этот не один из них.

Слежу, как они перемещаются в коридор, ведущий к двери администраторской, как Рита дрожащими руками пытается открыть ключом замок, когда краем глаза замечаю – Никита вздрагивает. Поворачиваю голову – и вижу в дверях Марину с понятыми руками, дрожащими так сильно, что почти слышно, как они дрожат, а за ней – второго парня, в такой же форме и такой же маске. Одной рукой он указывает пистолетом Марине в спину, другой – за руку волочит по полу чьё-то неподвижное тело.

Всё внутри обрывается.

Его лицо залито кровью.

Грабитель что-то говорит, мне слышно каждое слово, но нужны огромные усилия и секунд двадцать, чтобы вникнуть в смысл сказанного.

– Живой... сопротивлялся, пришлось приложить хорошенько по затылку.

Перевожу взгляд на первого вторженца – тот неодобрительно качает головой в маске.

Рита, наконец, выигрывает свою битву с замочной скважиной. Дверь администраторской распахивается, мужчина грубо толкает хозяйку внутрь – наверное, в дальний конец комнаты, где стоит шкаф с сейфом. Сегодня вечером должны были выдать всем зарплату, там же и деньги на продукты, которые мы ждали на этом самом фургоне.

Второй швыряет Пашино тело на середину кухни и становится в дверях, держа оружие наготове. Марина осторожно подбирается к Никите и судорожно вцепляется в его рукав.

Я, так же с поднятыми руками, очень медленно приседаю на корточки, и подползаю к Паше, не отводя взгляда от грабителя. Он тоже пристально смотрит на меня, но ничего не говорит и никак не показывает, что он против.

Дышит... видно, как вздымается и опускается его грудь. Осторожно снимаю фартук, стараясь не делать резких движений, одним глазом следя за грабителем, промакиваю тканью свежую кровь на лице. Теперь я вижу, откуда она идёт – из неаккуратной раны в волосах над ухом. Зажимаю рану и снова поднимаю глаза на мужчину в маске.

– Можно взять аптечку в шкафу?

Мимолётом удивляюсь звуку собственного голоса – хриплому, глухому. Вообще, если подумать, в ушах сильно шумит.

– Нельзя, – резко отвечает тот. – Знаю я ваши аптечки.

Киваю и просто жду. Одной рукой по-прежнему прижимая фартук к голове Паши, второй беру его за руку.

Его пальцы сжимают мои. Он в сознании. Почему притворяется?

Должно быть, времени проходит совсем немного, но тянется оно бесконечно. Вздрагиваю от неожиданности, когда, в конце концов, те двое появляются в коридоре – Рита так же на прицеле, за плечом у мужчины – чёрный пакет с длинными ручками.

Паша лежит у них на пути в тесном проходе кухоньки. Молюсь, чтобы Рита немного взяла себя в руки и посмотрела под ноги, но она и так аккуратно перешагивает через распластанного сотрудника. Зато грабитель спотыкается о ногу парня, и, грубо выругавшись, останавливается.

– Какого ты его сюда бросил? – обращается он к товарищу. – Я чуть на курок, мать его, не нажал!

Свободной рукой он отталкивает Риту к Никите и Марине, ставит пистолет на предохранитель, заталкивает его в карман и, бросив второму: «Прикрой меня!», тоже перешагивает через Пашу.

Дальше всё происходит за несколько секунд.

Паша быстро, но плавно поднимается и выхватывает из кармана мужчины пистолет. Раздаётся щелчок предохранителя.

– Сзади! – орёт второй, но выстрелить не может – его товарищ полностью заслоняет ему Пашу.

Тот, что остался без пистолета, соображает быстро и отскакивает в сторону, Паша стреляет (как он решился?!), я кричу, кто-то ещё кричит, пуля попадает в дверной косяк.

Я ВИЖУ В ГЛУБИНЕ ДВЕРНОГО ПРОЁМА ЖАННУ.

Пространство дрожит и гудит.

Пистолет в руках преступника направлен на Пашу, но прежде, чем он успеваает нажать на курок, Никита одним движением перемахивает через рабочую стойку и впечатывает кулак ему в висок. Ещё один выстрел – пуля улетела в сторону коридора.

Я не вижу Марину и Риту – наверное, спрятались за стойку.

Я больше не вижу Жанну.

Топот ног в коридоре – лица Руслана и двух парней с соседнего столика.

– Вызывайте ментов, – орёт Никита. Он держится за живот.

Паша тяжело дышит, всё так же сидя на полу. Он держит на прицеле грабителя у двери, но пистолет того тоже направлен Паше в лицо.

– Уходим, – бросает мужчина с рюкзаком.

Паша сжимает зубы. Он хочет выстрелить. Но тогда...

– Нет, – Никита растопыривает ладонь в его сторону. – Не надо, Паш...

Двое грабителей, пятясь, исчезают в дверном проёме, – я до последней секунды стараюсь разглядеть там Жанну, – и захлопывают за собой дверь.

Рита выскакивает из-за стойки и бросается к окну.

– Вишнёвый «Пассат», без номеров, – сообщает она.

– Вызвали полицию и скорую, – говорит над ухом голос брата.

– Ты болван, – налетает Рита на сидящего на полу Пашу. – Ты что творил?

Он тебя чуть не убил! Если бы не Никита... Лёг, быстро! Белый весь!

Она проворно подсовывает ему под голову охапку белоснежных полотенец, выхватывает аптечку из шкафа, бросает мне, и уносится дальше, к Никите, с виноватым видом массирующему солнечное сплетение, к рыдающей у духового шкафа Марине.

– Балаклава, – говорю, щедро обрабатывая перекисью голову раненного.

Руслан и Паша одновременно и одинаково недоумённо смотрят на меня.

– Что – балаклава? – спрашивает брат.

– Эти штуки у них на голове так называются. Всё никак вспомнить не могла.

– Хочешь сказать, ты всё это время сидела и вспоминала, как они называются? – слабым голосом спрашивает Паша. – С того самого момента, как увидела первого из них?

Киваю, сама удивляясь, что так и было.

Они переглядываются. Брат хохочет во весь голос. Паша – беззвучно, закрыв глаза.

Глава 5

– Спасибо тебе огромное, – говорит Пашина мама, заключая в объятия Никиту. – Если бы не ты... Кто знает...

Это худая, очень болезненного вида женщина с огромными кругами под глазами. Она выглядит лет на шестьдесят – но, разумеется, ей не может быть столько. Я вижу её в первый раз – Паша не любит даже говорить о своей семье, и уж конечно, ни разу меня с ними не знакомил. Всё, что знаю – он живёт с матерью и отчимом, а его отец – в другом городе. Теперь, внезапно, понимаю – это одна из тех самых «неблагополучных» семей. Даже сейчас, на расстоянии, чувствуется лёгкий запах перегара в воздухе, окружающий эту женщину.

Мы с Никитой пришли навестить Пашу в больнице, куда его положили с черепно-мозговой травмой, но нам пришлось подождать – в палату не пускают больше двух посетителей.

Он широко улыбается нам с больничной койки в дальнем конце палаты, той, что у окна. Мы плюхаемся на свободную кровать рядом, Никита со знанием дела принимается рассовывать по ящикам тумбочки гостинцы.

Безумно хочется поприветствовать Пашу как-то иначе, чем просто «Привет!», но я не уверена, что готова потом каждый день терпеть шуточки Никиты.

Так что просто молчу и улыбаюсь, слушая, как он отвечает на вопросы товарища.

– Просто сотрясение, синяков на мозге нет, так что через неделю должны выписаться, – беззаботно вещает Паша. – Вы там как? Марина успокоилась? Что менты сказали? У Риты сильная истерика?

Мы с Никитой переглядываемся и по очереди принимаемся рассказывать. Сегодня кафе было закрыто, мы весь день общались с полицией. К счастью, у нас остался тот самый пистолет, что Паша забрал у одного из грабителей, ценная улика. Рита держалась молодцом – лишь раз за день я заметила у неё следы слёз на лице, когда она выходила из туалета. А вот у Марины выдержка оказалась слабая. Рита дала ей отгул на три дня.

– Твоя мама меня сейчас в коридоре расцеловала, – гордо говорит Никита.

– Да, – Паша улыбается, но отводит глаза. – Спасибо большое, друг. Всю жизнь у тебя в долгу.

– Да брось, – отмахивается повар, но мне видно, как ему приятно. – Лады, Паш, мы пошли. Не болей.

Он поднимается, глядя на меня.

– Ты иди, я ещё минут пять посижу, – решаюсь. – Мне всё равно в другую сторону.

– А, ну окей, – Никита ухмыляется, и в его глазах появляется озорная искорка понимания, а у меня – недоброе предчувствие. – Бывайте!

– Спасибо, что зашёл, – машет ему Паша.

Дверь закрывается.

– Тебе надо было в полицейские идти, – говорю, не зная с чего начать.

– А тебе – в экстрасенсы, – парирует он.

Мы смотрим друг на друга. Атмосфера не такая романтическая, как ожидалось.

– Ты умеешь стрелять! – поднимаю брови. – Откуда?

– Отчим научил. А ты, – он, наоборот, хмурится. – Часто у тебя случаются «нехорошие предчувствия»?

– Три раза только бывало, – отвечаю честно.

– Чёрт с ним, – он откидывается на подушки и снова улыбается. – Испугалась?

– Ну, как сказать. Если честно, не совсем поняла, что вообще происходит.

– Точно, у тебя же более важное дело было – вспомнить, как та шапка называется.

– Балаклава. Теперь никогда не забуду.

Мы смеёмся. Потом я отвожу глаза и тихо признаюсь:

– Вообще-то, очень сильно испугалась. Как увидела, что этот... тебя за руку... а ты в крови весь...

Замолкаю, и снова смотрю на него.

– Прости, – говорит он без улыбки. – Это я виноват. Я-то сознание всего на пару секунд потерял, просто решил притвориться.

Он протягивает руку ко мне, к моим волосам – и мягко привлекает к себе. И мне не важно, что в палате ещё двое больных, и у каждого по двое посетителей; меня бы даже не волновало сейчас, если бы на нас смотрели Никита, Руслан и Жанна, вместе взятые...

Из больницы не выхожу, а вылетаю. Так легко мне не было давно – хочется бежать, петь, танцевать!

Повозившись с замком цепочки, отстёгиваю своего железного друга от парковочного столбика, и вскакиваю в седло – куда ловчее, чем прошлым утром. Отталкиваюсь педалями от земли...

Но велосипед трясётся. Я в замешательстве – может быть, в цепи что-нибудь попало? Или сломалось?

Тут вокруг слышатся взволнованные возгласы, и становится ясно: проблема не в велосипеде, трясётся земля. Торможу и спрыгиваю с велика, на всякий случай отходя подальше от здания больницы.

Землетрясение? Но у нас не сейсмоопасный регион. Под ногами старые, пологие холмы, и я как раз стою на вершине одного из таких. Если посмотреть вперёд – внизу расстилается пол-города, как на ладони...

Пол-города идёт волнами. Вразнобой поднимаются и опускаются разные его части, словно кто-то встряхнул землю, как ковёр. Слышится гул, будто грохочет гром – но небо чистое. Грохот идёт из-под ног. В нескольких местах клубятся тучи пыли – видимо, обрушились здания. В ужасе гляжу налево – там дом Жанны, затем направо – там наше кафе. Но ничего не могу разглядеть – далеко.

Почему? Почему в этот раз не было той самой дрожи в воздухе, что предупреждала меня раньше? В мозгу снова всплывает момент, которым я жила последние пять минут, с самого выхода из палаты – как наши губы встречаются, и меня пронзает током и дрожью. Вот оно когда случилось.

Кто-то кричит мне, чтобы я отошла от здания. Хватаю велосипед и бегу по газону в центр сквера. Неподалёку, со стоянки, слышен целый хор надрывающихся сигнализаций.

Оглядываюсь – напуганные люди тоже озираются, ожидая повторения толчков. У нас никогда раньше не бывало таких сильных землетрясений, и никто не знает, как себя вести в такой ситуации. Но земля спокойна, и больше не уходит из-под ног и не подбрасывает вверх.

Поднимаю глаза, чтобы убедиться, что со зданием всё в порядке, и Паша в безопасности, затем сажусь на велосипед и спешу домой – волнуясь за Руслана.

По пути в голову приходит мысль: не многовато ли происшествий за последние два месяца: драка, пожар, ограбление и землетрясение – и это не считая Паши?

Проезжаю мимо рухнувших крыш, покосившихся стен, упавших столбов. По мере приближения к дому Жанны, растёт тревога – Руслан должен быть там в это время; устойчивей ли дом к землетрясениям, чем к пожарам?

Но вот он виднеется за поворотом, целый и невредимый, и я выдыхаю с облегчением. Затаскиваю велосипед в прихожую и вихрем взлетаю на второй этаж. Руслан сидит на кровати в своей комнате, с виноватым видом; левое плечо кое-как обмотано бинтами. Рядом – его одноклассник, Артём.

– Всё нормально, – торопливо сообщает мне брат. – Просто поцарапался. Да и то, там больше синяк, чем царапина.

– Кровищи было, – восклицает Артём, игнорируя убийственный взгляд товарища; его глаза горят. – Но мы всё обработали, перевязали. До свадьбы заживёт.

– Но как? – заламываю я руки.

Повисает пауза. Руслан молчит, насупившись. Артём переводит взгляд с меня на него, и не выдерживает, осторожно произносит:

– Он под завалы полез... Там и напоролся на арматуру. Зато, между прочим, человека спас! Ребёнка.

– Он сам ещё ребёнок, – отрезаю свирепо.

Снова пауза. Затем мой брат поднимает на меня несвойственный ему тяжёлый взгляд:

– Ну да, ты-то взрослая. Ты бы ушла.

Теперь тишина настолько звенящая, что становится неловко даже бесцеремонному Артёму. Он ёрзает на месте.

– Ну, ты здесь... Так что я уже не нужен. Я пошёл...

– Да... – едва нахожу в себе силы не разреветься. – Спасибо. Пойдём.

– Я дверь найду. Пока, – и он сматывается.

– Прости, – тихо-тихо говорит Руслан; его губы дрожат.

Всю мою обиду как рукой снимает.

– Ты меня прости... – слёзы уже беспрепятственно катятся по моим щекам.

Секунда – и оба ревём в объятиях друг друга.

Мы долго разговариваем: не у меня одной, оказывается, выросшая стена вызывала чувство безысходности. И теперь, когда она рухнула, накопившиеся потоки откровений хлынули навстречу друг другу. Я объясняю брату всё про Пашу, но не получаю в ответ негативной реакции, которой так боялась. Кажется, случай в кафе, когда Паша, рискуя жизнью, пытался совладать с грабителями, изменил мнение Руслана о нём. Самопожертвование – мой брат это в людях ценит.

Сбиваясь, рассказываю ему про странные явления вибрации пространства, которые чувствовала перед каждым инцидентом. Он слушает внимательно, но ничего не говорит, лишь пожимает плечами. Мои мысли перебегают к ещё одной странности: вспоминаю, как видела силуэт Жанны в дверном проёме во время ограбления.

– Но это точно невозможно, – заявляет Руслан.

– Невозможно, – соглашаюсь. – Наверное, мне просто померещилось от шока.

Брат смотрит на меня долгим задумчивым взглядом.

– Ты знаешь, – медленно произносит он. – Мне кажется, она ведьма.

– Что? – даже не знаю, смеяться или нет; с другой стороны, что это, если не шутка?

– У меня такое ощущение, что это она всё подстроила. И твои вибрации в воздухе, и ограбление, и пожар.

– Подожгла собственную комнату? Зачем?

– Ну, мало ли, – он пожимает плечами. – Кто знает, что у неё в голове творится. Но согласишься, это нереальное совпадение – как раз в тот момент, когда мы пытались дать дёру.

Я согласна. Уже думала об этом. Но Жанна...

– А землетрясение тоже она устроила, ты считаешь? – как можно более скептически поднимаю брови.

– Не, землетрясение вряд ли. Вот это, наверное, совпадение.

– Надо же, как совпало.

Мы хихикаем, и примолкаем на время, обдумывая сделанные выводы.

Мой взгляд случайно падает на часы на стене. Уже без пяти шесть... Она никогда не опаздывает.

– Руслан, как ты думаешь...

Перевожу глаза на него, и вижу, что он тоже смотрит на часы.

Фразу он заканчивает за меня:

– ...где Жанна?

Глава 6

– Пропала? – отрывисто переспрашивает уставший, раздражённый офицер в прямоугольных очках, глядя на нас из-за заваленного кипами бумаг и папок стола.

– Кем приходитесь?

– Мы... она наш опекун.

У меня в таких случаях никогда язык не поворачивается назвать Жанну приёмной матерью; само слово «мать» и Жанна – понятия несовместимые.

– Удостоверение.

– Э-э-э... – мы с братом переглядываемся. – У нас нету...

– Несовершеннолетние, что ли?

– Мне шестнадцать, но я ещё не получила...

День рождения у меня был две недели назад, и заявку в паспортный стол я подала сразу же – Жанна настояла, – да вот забрать документ ещё не успела.

– Но мы всё принесли, – выкладываю перед ним бумаги из папки. – У неё ведь близких родственников больше нет, чтобы заявить.

Полицейский бросает безразличный взгляд на документы об опеке, справки о смерти родителей, наши свидетельства о рождении.

– Бог с вами, – морщится он. – Имя, фамилия, дата рождения, особые приметы?..

Уже минут через пять-семь, пропустив внутрь женщину с отчаявшимся выражением лица и маленьким ребёнком на руках – видимо, тоже не дождалась мужа домой к ужину, – мы выходим в тесную приёмную. Тесную не потому что маленькую, а потому что она битком забита людьми. Человек тридцать ждут своей очереди.

Кидаю взгляд на часы на стене – тридцать пять минут десятого. И как можно быстрее протискиваюсь через толпу, стараясь не смотреть на полные отчаяния лица. Я не чувствую ничего подобного по отношению к Жанне, но мне не по себе от этих глаз.

– Мне кажется, они нам не помогут, – мрачно говорит Руслан, чуть только мы выходим на свежий воздух. – Кто будет искать всех этих людей?

Молчу. Стараюсь не думать кое о чём, но мысль эта упрямо лезет в голову. Сегодня утром, собираясь на работу, Жанна до меня снова докопалась по поводу плохо сделанной уборки. В результате я провела минут пятнадцать, фантазируя, что Жанны не существует, рисуя в воображении картину о том, как бы мы с братом жили вдвоём, без неё.

Можно полностью согласиться с Русланом – нам никто не поможет её найти. Потому что это я заставила её исчезнуть.

Это я сделала.

И это совсем не огорчает, напротив, из глубины души поднимается мрачное чувство удовлетворения.

Как только эти мысли заполняют голову, воздух вокруг в очередной раз содрогается – но я не обращаю внимания. Это меня тоже больше не волнует.

Уже почти десять, когда мы добираемся домой. Руслан, не раздеваясь, проходит в зал и включает телевизор – не с первой попытки, неумело обращаясь с пультом. Не то что мы, его и Жанна-то очень редко смотрит.

Он щёлкает каналы, пока на экране не оказываются кадры местной новостной передачи.

– Думаешь, что-нибудь есть? – я на ходу стягиваю ветровку.

Диктор подробно рассказывает о том, как проходят выборы президента в соседней стране. Внизу бежит строчка главных новостей – минуты две мы молча читаем её: счёт игры между футбольными клубами, кто-то взял золотую медаль по бобслею (что это вообще?), последствия землетрясения в регионе, лесные пожары на севере страны, явка избирателей на те же выборы (чихать мы на них хотели)... что-то про военные базы враждебно настроенной державы у наших границ

(страшно, но сейчас неважно), отчёт о смертях из горячей точки на востоке (хорошо, что не у нас), о взрыве бомбы в ещё одной стране... и снова спорт.

– Ничего нету, – нервно сообщает Руслан. – Быть такого не может. Сотни человек же пропали...

– Попробуй местные каналы, – советую я.

Мы перебираем городские станции, но нигде не находим и упоминания о волне человеческих исчезновений.

– Бросай, – говорю наконец. – Спать.

Теперь, в своей постели, можно наконец подумать о том, о чём хотелось думать уже давно, да не было времени – с этим землетрясением, а потом пропажей Жанны... Я думаю о Паше.

Невероятно волнующее и в то же время уютное тепло разбегается по телу разрядами нежного электрического тока при воспоминании о его взгляде, устремлённом мне в глаза, запахе его губ и их прикосновении к моим... Меня внезапно охватывает непреодолимое желание увидеть его снова, я даже чётко представляю себе, как сижу в палате на пустой соседней койке, и мы смотрим друг на друга, и болтаем обо всём подряд...

Что-то заставляет меня открыть глаза. Почему-то мир перевернулся – нет, это я перевернулась. Сижу – хотя всего мгновение назад точно лежала. Сижу в больничной палате – хотя сейчас должна быть в своей постели. Сижу в Пашиной больничной палате и смотрю на него.

Что, простите?

– Кать?

У него совсем не удивлённый вид. Он выглядит так, будто внимательно меня слушал, а я вдруг замолчала.

Точно, это же сон. Просто не заметила, как уснула.

Но, насколько можно судить по тем снам, что мне раньше снились, там никогда не удивляешься вещам, которые происходят – какими бы невероятными они не были.

– Кать, всё в порядке?

– Что я здесь делаю? – спрашиваю в лоб, стараясь контролировать дрожь в голосе.

– Э-э-э... – Паша выглядит обескураженным. – Ну, если тебе пора, иди.

– Нет, – начинаю задыхаться. – Слушай... Я только что была дома...

Пыталась заснуть... А теперь здесь...

Неужели схожу с ума? Провалы в памяти и прочие прелести?

– Ты чего, – его голос уже не на шутку взволнован. – Ты минут пятнадцать, как пришла.

Подскакиваю к окну.

– Который час?

– Без двадцати одиннадцать, – тут же говорит он – телефон в его руке.

И хмурится. До него начинает доходить.

– В такое время ведь обычно не пускают посетителей, правда? – моё сердце колотится, но дышу уже ровнее – мне легче от того, что он тоже заметил странное.

Он молчит.

– Где остальные больные? – оглядываюсь на пустую палату.

– Я здесь один лежу, – осторожно произносит он.

– Неправда. Когда мы к тебе заходили сегодня днём – с Никитой, помнишь?

– здесь ещё двое лежало. Там... и там! Куда они делись?

Паша растерянно разглядывает койки. Я вижу по его лицу, что он помнит тех мужчин, и тоже не знает, когда и куда они исчезли.

– Что вообще за дела? – шепчу, падая на кровать и истерично заламывая руки – паника снова начинает мной овладевать.

Пожелала – и мы с братом остались без Жанны. Захотела – и оказалась здесь.

Руслан неправ. Жанна – не ведьма.

Ведьма – я.

И если так, то это многое объясняет. Пожар, ограбление, землетрясение – всё из-за меня.

Смеюсь, и от моего смеха воздух трясётся. Это уже не та еле уловимая вибрация, а мощные волны, которые заставляют пространство казаться плоским,

нереальным, и мне кажется, что оно вот-вот исчезнет, словно картинка, уступив место чему-то более вещественному.

– Тихо, – вокруг меня смыкаются крепкие руки Паши. – Тихо, Катя.

Волны успокаиваются. Судорожно вздыхаю и тоже успокаиваюсь.

– Всё хорошо, – почти шёпотом произносит он. – Мы во всём разберёмся.

Пожалуй, я всё-таки сумасшедшая.

Открываю рот, чтобы сказать это вслух, но вижу, как он тоже открыл рот, собираясь что-то сказать, и ничего не произношу. Он, впрочем, тоже, потому что в этот момент с улицы, из приоткрытого окна, доносится странный звук. Он начинается с низкого гудения, которое плавно взлетает к более высокой, тревожной ноте и, подержавшись на ней немного, постепенно спадает вниз, затихая, а затем снова идёт на подъём.

– Что это? – шепчу, обеими ладонями проводя по рукам – волоски на них встали дыбом.

– Это сирена... мы в школе проходили, сигнал «внимание всем», – задумчиво отвечает Паша. – Значит, нужно включить телевизор или радио, и делать то, что там скажут.

– Опять землетрясение или что-нибудь подобное, – говорю обречённо.

Я уже ничему не удивлюсь.

– Пошли!

Он быстро открывает ящик, выхватывает оттуда папку для документов, свободной рукой хватая меня за руку и тянет к двери. Послушно бегу за ним.

В коридоре уже полно сонных, растерянных людей в пижамах и тапочках, среди них виднеются белые халаты и синие костюмы медсестёр и санитарок.

Одна из медсестёр кричит, чтобы все шли в комнату отдыха – так у них называется расширение коридора в центре отделения, с окнами по обеим сторонам, уставленное мягкой мебелью и с довольно большим телевизором на стене.

Вместе со всеми мы послушно бредём туда. К моему облегчению, никто, кажется, не замечает меня, которой тут сейчас быть не должно.

Телевизор уже кто-то включил. На экране висит белая заставка с крупными буквами «ВНИМАНИЕ ВСЕМ», а из динамиков идёт тот же звук, что и из форточек – только он немного отстаёт, создавая жутковатый эффект эха.

Какое-то время мы просто стоим и рассматриваем это незамысловатое сообщение. Люди вокруг переглядываются и переговариваются, а я снова начинаю переживать, что меня обнаружат. Но тут заставка сменяется изображением мужчины-диктора на фоне, как в новостной программе.

– Внимание населению! Это НЕ учебная тревога, – произносит он, и продолжает говорить что-то ещё, но я не улавливаю сути.

Потому что внезапно перед глазами встаёт картина: мой брат, разбуженный сиренами, кидается в мою пустую комнату, бродит по дому, выбегает на улицу, в отчаянии зовёт меня.

Силой воли подавляю эту мысль, и пытаюсь вернуть внимание к тому, что говорит диктор на экране, он как раз произносит «Повторяю...» – значит, я ничего не пропустила, но все вокруг суетятся, и Паша тянет меня за руку:

– Пойдём!

– Куда?

Он смотрит удивлённо.

– В укрытие, сказали же.

За его спиной пухлая медсестра машет рукой и кричит: «Сюда! Все сюда!»

– Ты иди, я домой. Там Руслан один, – моментально решаю и разворачиваюсь к лестнице, но он только крепче сжимает мою ладонь.

– С ума сошла? Ты что, не слушала?

– Нет, – честно признаюсь. – Задумалась.

– О чём? Опять про балаклавы?

С трудом удерживаюсь от смеха – ещё решат, что у меня истерика.

– Катя, война началась!

– Правда, что ли?

Уже открыто смеюсь. Война. Ну да, это логично. Что дальше? Вторжение инопланетян? Всемирный потоп? Зомби-апокалипсис?

Он несколько секунд смотрит на меня, потом снова решительно тянет куда-то – но не туда, куда бегут все. В другом направлении.

Я подчиняюсь.

И лишь когда мы выбегаем на улицу, спрашиваю, куда он собрался.

– За Русланом, – отрывисто отвечает он. – Это твой?

Он указывает на велосипед, прицепленный цепочкой к столбу. Голова в очередной раз идёт кругом – значит, я ещё и на велике сюда приехала.

– Мой...

– Ключ.

Как во сне, лезу в карман, вытаскиваю и кладу ключ от цепочки на его раскрытую ладонь. Потом позволяю ему посадить себя на багажник, и мы мчимся по ночным улицам.

Глава 7

– Ну прости меня уже, – со смешанным чувством вины и раздражения восклицаю я, когда брат в очередной раз укоризненно смотрит в мою сторону. – Я же не специально!

– Самое интересное, что специально, – бормочет Паша. – Ведь произошло то, чего тебе хотелось, правда?

– Но я не знала, что так получится, – бессильно падаю на диван, и плююсь в телевизор.

Телевизор теперь включен постоянно. Но говорят гораздо меньше, чем нам хотелось бы знать.

Нас волнует, что конкретно нам троим грозит, что делать дальше, и чем всё это закончится. А сменяющие друг друга ведущие новостей вещают о бесконечных переговорах, высылке дипломатов и реакции зарубежных политиков и организаций. И мы смотрим это уже часа два.

Сирены больше не вопят. В новостях сказали, что соседские самолёты пролетали над нашим городом – он у самой границы, – но ничего сбрасывать не стали.

Мы с Пашей были на улице, когда они летели. Военные пару раз пытались остановить нас, мчащихся по ночному городу на велосипеде, и загнать в бомбубежище, но мы не дались. Было страшно.

– Поесть бы что-нибудь, хозяйева, – извиняющимся тоном говорит Паша.

– Посреди ночи? – Руслан недоверчиво смотрит на часы: половина второго.

– Ну, а почему нет. Спать всё равно не будем, а так хоть будет чем заняться.

Мысленно соглашаюсь и встаю. Паша поднимается вслед за мной.

– Нет, – приказываю ему. – Ты сиди. Тебе вообще лежать нужно, с твоей головой-то.

– А не на велосипеде по улицам гонять? – он мне подмигивает. – Ничего, я на кухне посижу. Руслан, крикнешь нам, если там что-нибудь новое скажут?

Руслан кивает, но хмурится. Отмахиваюсь от них обоих, и иду на драгоценную Жаннину кухню.

Я, в принципе, знаю, что где лежит, ведь сама здесь всегда убиралась. Но готовить...

– Что-то не так? – спрашивает Паша при виде моего замешательства.

– Что бы приготовить?

– А что ты умеешь?

Смеюсь.

– Что, совсем ничего? – удивлённо спрашивает он.

– Ну, яичницу или макароны смогу. Наверное. Жанна нас к плите не пускает. И мама всегда сама готовила...

– А в холодильнике ничего готового нет? Чтобы разогреть?

Мотаю головой. Жанна всегда выбрасывает несъеденную еду. По её мнению, съедобные блюда – только свежие.

Он как-то нехорошо на меня смотрит, по лицу расплзается улыбка.

– А давай ты сейчас захочешь сильно-сильно, и всё само приготовится?

Молча хватаю первое, что попало под руку – увесистый казанок с ручкой.

– Всё-всё, – он смеётся и встаёт. – Так, сейчас разберёмся.

Открывает морозилку и, порывшись, вытаскивает упаковку с фаршем.

– Сделай дырочку и разморозь.

Послушно выполняю, и, пока я пытаюсь понять, куда нажимать на огромной мудрёной микроволновке, он копается в холодильнике, а потом в шкафах.

– Кастрюлю.

– Да, шеф.

Достаю из шкафа под столешницей никелированного монстра.

– Издеваешься?

– Да, слишком большая, так и знала. Вот, – протягиваю ему посудину поменьше.

Через десять минут в кастрюле булькают макароны, и на кухне аппетитно пахнет жареным фаршем, который шеф с чувством перемешивает на сковороде. Заглядываю внутрь, и мелькает мысль, как неплохо бы было добавить туда грибов – люблю жаренные грибы. Я даже представляю себе их неповторимый запах...

– А где ты взял грибы? – спрашиваю, пытаюсь сдержать истерический смех.

– Грибы? – безучастно переспрашивает Паша.

– Ага, грибы. Их ведь не было в холодильнике.

Он задумчиво чешет затылок рукояткой деревянной ложки. Он бы даже не обратил на эту нестыковку внимания, если бы я не сказала. Как и в случае с моим внезапным появлением в палате.

– Забудь, – тихо, с нажимом говорю ему, потому что мне не по себе от его ошарашенного взгляда.

Он мне подчиняется. Я с мурашками по коже наблюдаю, как выражение его глаз мгновенно меняется на безмятежное, а по лицу расплзается привычная полуулыбка. Он не притворяется. Он действительно забыл.

Разобравшись со своими порциями вкуснейших макарон по-флотски с грибами, мы сгружаем посуду в раковину (смотри, Жанна!) и отправляемся спать.

Едва удерживаюсь от соблазна взять себе одеяло и остаться в гостиной с прикорнувшим на диване Пашей. Если бы не внимательный взгляд Руслана, я бы, может, и не удержалась.

Мне кажется, я просыпаюсь скорее от дрожи пространства, чем от грохота – она на этот раз настолько пронизывающая и всеобъемлющая, что некоторое время не могу пошевелиться от нахлынувшего ужаса.

Только чуть погода начинаю вслушиваться в окружающие меня звуки – а их очень много. Сначала приходит мысль об очередном землетрясении, но потом почему-то кажется, что землетрясение не может так звучать.

На часах – пять минут седьмого.

Заставляю себя подняться на кровати и выглянуть в окно.

Небо красное.

Под ним – привычные по-утреннему серые дома нашей улицы, кое-где в окнах горит свет – кто-то уже собирается на работу. Но в узком просвете между двумя крайними справа домами открывается вид на горящий город.

Несколько секунд, затаив дыхание, изучаю это зрелище, а в моей ещё не проснувшейся голове роятся тучи мыслей, из которых я не могу выдернуть хоть одну стóбящую.

Скорее чувствую, чем вижу, какое-то движение в небе над домом, и прижимаюсь щекой к стеклу, запрокинув голову, чтобы разглядеть получше.

Но мгновение спустя это теряет значение, потому что мир становится одним сплошным оглушительным грохотом.

Я теряю ориентацию в пространстве, кричу, не слыша собственного крика, и прихожу в себя в наступившей тишине, сидя с ногами на подоконнике и задыхаясь.

Почти ничего не ощущая, словно тело превратилось в плюшевую игрушку, спрыгиваю, распахиваю дверь, вылетаю в коридор и врезаюсь во что-то, не сильно твёрдое.

Катя, – говорит Руслан; его не слышно – в ушах стоит какой-то противный тихий шум, лишь смутно видно, как шевелятся губы, произнося моё имя. У него одна сторона лица в крови, но я не могу разглядеть, откуда она бежит, хотя и стою вплотную к нему.

Потому что в воздухе очень много пыли.

Так много, что даже не видно очертаний лестницы в нескольких шагах от нас. Пыль клубится, поднимаясь из гостиной.

Из гостиной, где на диване спит Паша.

На трясущихся ногах шагаю к лестнице, но брат хватает меня за рукав. Он мотает головой – его губы снова шевелятся, но я не могу расслышать ни звука. Успокаивающим, как мне кажется, жестом, заставляю его разжать пальцы и осторожно спускаюсь вниз, ступенька за ступенькой.

Двух нижних ступеней просто нет – вместо них острые обломки дерева. Из середины торчит что-то тёмное и, судя по всему, очень тяжёлое. Неловко перепрыгиваю их, особо не вглядываясь, и ощущаю, как Руслан за моей спиной делает то же самое.

На ощупь, жмурясь и закашливаясь от едкой пыли, пробираюсь к центру гостиной. Пашин диван стоит спинкой ко мне, и я не увижу самого Пашу, пока не обойду его вокруг.

Но я знаю, что меня ждёт. И прекрасно понимаю, что если бы всё было в порядке, он был бы уже рядом со мной.

Его глаза закрыты. Должно быть, он спал, когда это произошло.

Не хочу, чтобы Руслан видел – но он здесь, дышит мне в затылок.

Как?

Не понимаю. Как может этот человек лежать здесь, утыканный металлическими осколками в грудь, шею, живот – когда всего несколько часов назад он, такой живой и осязаемый, смеялся с нами на Жанниной кухне, уплетая макароны по-флотски собственного приготовления?

Я отказываюсь принимать такой поворот событий!

Сознание, как за спасительную соломинку, цепляется за воспоминание о нашей ночной трапезе: уютный жёлтый электрический свет над небольшим кухонным столиком, аромат жаренных грибов и фарша в воздухе, слегка напряжённые, но всё же тёплые улыбки мальчишек...

Это воспоминание будто оживает, наливается красками, запахами, теплом...

– ...а отчим заваливается в комнату и кричит «Пошли вон отсюда, бессовестные!» Ну, на самом деле он немного по-другому сказал, это я так, для приличия перефразировал... Катя, всё нормально?

Я, наверное, бледная. Но искренне улыбаюсь и киваю головой, и Паша, с некоторым сомнением поглядев на меня, продолжает досказывать свою историю.

Краем глаза слежу за братом: тот, кажется, тоже в небольшом замешательстве. Он ещё с минуту трёт висок и слегка хмурится, глядя в пространство, словно стараясь что-то вспомнить, но потом расслабляется и снова начинает работать вилкой.

Глава 8

– Тогда я буду спать в комнате Руслана, а вы вдвоём – в моей, раз у меня есть диванчик.

Мальчишки недоумённо смотрят на меня. У них уже глаза слипаются, но силы спорить со мной ещё остались. Это оказалось гораздо сложнее, чем я думала – заставить Пашу спать на втором этаже.

– Но я бы спокойно поспал и в гостиной, – в очередной раз произносит он.

– Да не в том дело, – закатываю глаза. – А если Жанна вернётся, а в гостиной незнакомый парень на диване?

Руслан поднимает бровь. «Жанна не вернётся», – говорит его выражение лица. – «А если и вернётся, ей будет не до этого».

– Хорошо, – я выставляю ладони вперёд, переводя дыхание. – Теперь честно. Ты, – пальцем тыкаю Пашу в грудь, – сам заметил тогда, в кафе, что моё плохое предчувствие работает. Так вот, у меня плохое предчувствие по поводу гостиной и сегодняшней ночи! И спать ты будешь наверху!

– Ладно, – поспешно соглашается тот, осторожно переглядываясь с моим братом – Руслан пожимает плечами. – Ладно, Катя.

Я вздыхаю с облегчением.

Быстро застелив постели, пожелав спокойной ночи мальчишкам, ставлю будильник на сотке на без пяти семь и сворачиваюсь калачиком на кровати Руслана. Сердце колотится, точно ошалевшее. Я уже давно утратила чувство реальности происходящего, но не хочу переживать это снова – даже если Паша на сей раз в безопасности.

Правдами и неправдами заставляю сознание провалиться в болезненную дремоту – и вот уже чирикает будильник. Сразу же прыгаю с кровати к окну, глядясь в просвет между домами, где прошлый раз полыхали пожары.

За окном идёт дождь.

Хмурюсь – прошлый раз дождя не было. Наверное, сейчас закончится.

Вслушиваясь в шум дождя, пытаюсь уловить гул двигателей, сверля глазами щель между серыми стенами, и стучая пальцем по экрану телефона всякий раз, как он гаснет, чтобы было видно часы, провожу эти десять минут.

Семь ноль пять. Дождь всё идёт. За окном тихо.

За завтраком у меня настроение прескверное. Мне кажется, что Руслан с Пашей кидают мне взгляды, в которых значит: «ну вот, ничего плохого не случилось, твои предчувствия подвели тебя»... Но даже если они и на самом деле так думают, сказать вслух не рискуют, уловив моё расположение духа.

Телевизор проработал минут десять, а затем был выключен. Ничего нового. В буквальном смысле ничего – у меня ощущение, что они просто крутят одни и те же записи.

Паша заводит разговор о том, что пора бы ему домой – предки ведь не знают, что он не в больнице, мать удар хватит, если она придёт навестить его, и не застанет в палате. Я возмущённо вскидываю голову.

– Почему бы тебе просто не позвонить им?

– Ну, Кать, – он смущённо отводит взгляд. – Я тоже переживаю за них. Какие-никакие, а они всё-таки моя семья.

– Но там опасно!

– Что, даже опасней, чем спать в гостиной? – не выдерживает Руслан.

Кажется, ему весело – карие глаза неудержимо шуряются, выдавая искорки смеха в глубине.

– Мы идём с тобой, – сдаюсь я.

– Вы там зачем?

– Втроём безопасней.

Пашина поднятая бровь говорит о том, что он так совсем не думает, но меня спасает брат:

– Да, я бы тоже сходил, проветрился. Может, хоть услышим от кого, что там на самом деле происходит, – он кидает сердитый взгляд на телевизор.

На улице ещё свежо после дождя, но в прояснившемся небе ярко блестит солнышко, и день обещает быть жарким.

Вдыхаю полной грудью вкусный воздух, и с улыбкой переглядываюсь с Пашей, который сделал то же самое.

Прохожих, хоть и слегка нервных, довольно много. Война войной – а на работу идти надо. Какое-то время мы молча пробираемся по улице, прислушиваясь к разговорам. Несколько раз мимо проезжают грузовики с военными, дважды в небе с гулом пролетают самолёты. Оба раза шугаюсь, но только я одна: все остальные понимают, что это свои. Да ещё Руслан смотрит вверх как-то задумчиво.

Паша принимается рассказывать какую-то забавную историю про своего отчима и танк – слушаю вполуха, потому что знаю: сейчас что-то произойдёт. Пять минут назад пространство содрогнулось. И я на девяносто процентов готова, когда сзади раздаются автомобильные гудки и крики.

– В сторону!

– ...дембель, – рассеянно договаривает Паша. – Что?

Отчаянно показываю пальцем, что. На нас несётся большой военный грузовик, раскрашенный пятнами горчичного и грязно-зелёного цвета. Сквозь лобовое стекло видно водителя: его голова болтается на груди, но раздумывать, что с ним случилось, у меня нет ни времени, ни желания.

Хватаю обоих мальчишек за руки и тяну прочь с пути приближающейся машины, но тут водитель заваливается назад, при этом, видимо, задев руль, и грузовик резко меняет курс.

Мы не успели бы.

Только лёжа на земле, понимаю, что пару секунд назад Паша изо всех сил оттолкнул нас с Русланом, а сам остался там.

Когда клубы дыма рассеиваются, я вижу его – он прижат к стене углом кабины. Светло-серая футболка взмокла от крови, голова странно деформирована и тоже вся в крови. По сути, то, что я вижу сейчас – это лишь половина Паши, вторая половина расплющена между стеной и кабиной.

Но я не хочу, чтобы было так, и это теперь решает всё. Я знаю, что делать – даже знаю, что мне не нужно оборачивать для этого время вспять.

Просто руль грузовика повернулся чуть сильнее вправо, и машина врезалась в стену чуть дальше от того места, где он стоял, – всего на полметра дальше. Чётко представляю себе, как это произошло.

– Ты в порядке? – кричу ему.

Паша бочком отползает от места аварии, выпучив глаза и хватаясь за сердце. На щеке у него кровь.

– Вроде как, – откликается он с запозданием на мой вопрос, и проводит рукой по щеке. – Задело немножко.

– До свадьбы заживёт, – утешаю я. – Пойдёмте отсюда.

Но тут замечаю выражение лица Руслана. Он стоит как вкопанный, уставившись на Пашу, словно на привидение.

– Ты чего?

– Н-ничего, – он трясёт головой. – У меня глюки. Не выспался, наверное.

– Что за глюки? – интересуется Паша.

Его всё ещё трясёт, но выглядит он уже лучше, чем, например, Руслан.

– Мне показалось, что грузовик врезался в тебя. Точнее, мне чётко померещилось, что я это видел... С подробностями... Ты уж прости.

Паша хмыкает, хлопает его по плечу, и идёт дальше. Я следую за ним. Двойное чувство разливается по телу: с одной стороны, на сердце становится легче, ведь Руслан тоже заметил, хоть частично, что происходит вокруг нас – а значит, я не совсем сумасшедшая. С другой – появляется смутная и неприятная мысль, будто Паша должен умереть, и сколько его не оживлять, вселенная не успокоится, пока этого не произойдёт.

Впрочем, оказывается, не я одна в мрачных раздумьях.

– Кать, – говорит Паша, не оборачиваясь. – А это твоё плохое предчувствие... оно тогда касалось именно гостиной... или меня?

– Тебя в гостиной, – размыто отвечаю я.

– А... сейчас? Не было предчувствия?

Руслан вскидывает голову, внимательно слушая. Вижу по его глазам, что он тоже в полном замешательстве. Так хочется всё им рассказать – но, не понимая, что мне мешает это сделать, вру. Почему? Просто знаю: нельзя говорить, и всё.

– Сейчас не было.

Глава 9

– Ну, не ваши хоромы, – извиняющимся тоном говорит Паша, входя вслед за нами и закрывая дверь на ключ.

Оглядываюсь и понимаю, почему он не хотел вести нас к себе домой. И почему сам старался как можно больше времени проводить вне дома.

Меня действительно передёргивает.

И дело здесь не в бедной обстановке, тесных комнатках или старенькой мебели. С мамой мы тоже жили небогато, но дома всегда было чисто и опрятно.

Слой пыли на всех поверхностях. Лампочка без плафона, на кривом проводке свисающая с потолка. Треснувшее зеркало, висящая на одной петле дверца шкафа, куча обуви и пакетов в углу.

И запах.

– Есть будете? Ма! Я с гостями.

Паша проходит вглубь узкого коридора, заглядывая в одну дверь, потом во вторую.

– Спишь, что ли?

Сейчас опять произойдёт что-то нехорошее. Мир снова дрожал. И точно – Паша странно замирает в дверях, а потом резко бросается внутрь.

С колотящимся сердцем добредаю до дверей в зал и вижу его, склонившегося над диваном.

Женщина, благодарно обнимавшая Никиту в больнице, лежит там, раскинув костлявые руки и ноги. Её голова запрокинута, распущенные седые волосы перепачканы чем-то тёмным. Их концы свисают до пола, до отливающей масляно-красным на солнечном свету лужи.

Моя память подсовывает мне ту жуткую картину, когда Паша лежал мёртвый, тоже весь с крови, и тоже на диване. Нет, не когда – *если* он лежал мёртвый.

– Скорую? – спрашивает Руслан, поспешно вытаскивая из кармана телефон.

– Поздно скорую, – слышится из дальнего конца коридора хриплый голос, заставляя нас с братом подпрыгнуть от испуга.

Небритый мужчина в камуфляжных штанах, домашних тапочках и с голым торсом шаркающим шагом проходит мимо нас, замерших на месте, в дверь.

Успеваю заметить его лихорадочно блестящие, безумные глаза.

– Отродье к отродью, – бормочет он, поднимая пистолет в руке.

Меня так шокирует эта сцена, что я даже забываю захотеть изменить реальность сразу же после выстрела. Просто стою и смотрю, как вскочивший навстречу отчиму Паша заваливается назад, прямо на тело своей матери.

Потом перевожу взгляд на стрелявшего. Он как раз медленно поворачивается к нам. Его испитое, обрюзгшее лицо кривится в ухмылке.

– Пить будете, гости?

Я смотрю ему прямо в глаза.

– Не хочу.

– Ну, тогда валите.

Он снова поворачивается к нам спиной, чтобы оглядеть дело своих рук.

– Не хочу, чтобы так было, – повторяю вслух, цепляясь памятью за первые мгновения в квартире Паши.

– Ма! Я с гостями.

Руслан справа от меня трясёт головой.

Паша идёт вдоль по коридору, заглядывая в комнаты.

– Мам! Дядь Лёш! Вы дома? Странно, – он поворачивается к нам. – Куда они свалили? Мама обычно дома в это время.

Руслан неверными шагами направляется вперёд, к двери в зал. Мы следим за ним, я – обеспокоенно, Паша – с любопытством.

Останавливается, какое-то время смотрит вглубь комнаты, туда, где стоит диван. Потом, недоумённо – на меня. Я мрачно киваю ему.

Паша обескураженно смотрит на нас. Наверное, он подумал, что мы просто не в восторге от обстановки. Чтобы загладить неловкость, улыбаюсь ему как можно теплее.

– Пойдёмте, – приглашает он нас жестом на кухню. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Пока он ставит чайник, а потом роется в стареньком, пожелтевшем от времени холодильнике, я разглядываю кухню. Жанну бы удар хватил, увидь она. Меня мысль об этом даже веселит, и на скрипучую табуретку с рваной обшивкой я усаживаюсь с удовольствием.

Паша достаёт продукты, складывая их на холодильник, и неловким движением сшибает вазочку с печеньем. Печенье с мелким стуком сыплется за холодильник, туда же летит и вазочка, а следом ещё катится колбаса.

– Оп-па, – он ловит колбасу за хвостик в последний момент. – Ничего, сейчас всё достану.

Подобравшись сбоку к щели между холодильником и стеной, он просовывает туда руку.

Раздавшийся звук похож на тот, с которым падало на пол печенье.

Он сопровождается мелкими искристыми вспышками, почти незаметными на солнечном свете.

Потом выбивает пробки, и тело Паши перестаёт дёргаться и безжизненно замирает на полу.

– Катя, – стонет Руслан.

Но я к этому была готова.

– Давай помогу, – вскакиваю с табуретки и забираю из рук Паши маслёнку и колбасу.

Руслан, тоже вскочив, хватается за сыр и половинку шоколадки.

Пока мы накрываем на стол, меня посещают сразу два мрачных размышления.

Во-первых, кому же так приспичило убить Пашу? Не верится мне, что происходящее может быть делом каких-нибудь высших сил. За ситуацией чётко прослеживается человеческий ход мыслей. И этот человек сейчас явно раздражён тем, что задуманное никак не удаётся – убийства становятся всё чаще и

поспешнее. Любопытствую про себя, что будет дальше, наблюдая краем глаза, как он режет сыр. Нож сейчас случайно выскользнет у него из рук и воткнётся прямо в сердце?

А во-вторых, меня беспокоит Руслан. Он уже всё прекрасно помнит, это я поняла, обменявшись с ним взглядами, когда мы предотвращали последний несчастный случай.

Сдерживая смех, смотрю, как мой брат оттесняет Пашу, протянувшего было руку к чайнику, и сам разливает кипяток по кружкам.

За окном, из открытой форточки, снова слышится гул летящих самолётов.

Интересно, *ему* принципиально оставить нас в живых? Или в окно, например, может прилететь снаряд, убив нас всех в мгновение ока. Я тогда уже не смогу его спасти. Возможно, оно и к лучшему бы...

Я ловлю себя на том, что уставилась в давно не мытое окно, словно действительно жду летящую ракету.

Но вместо этого снова слышу нарастающий вой сирены.

– Блин, – говорит Паша, и с сожалением смотрит на невыпитый чай. – Берите это всё, пойдёмте в зал. Там телевизор.

Или мне кажется, или диктор на экране тот же самый, что и в прошлый раз. Может, он и говорит теми же самыми фразами. Не знаю – я ведь тогда, в больнице, ворон считала.

– А где здесь убежище? – спрашивает Руслан.

Паша пожимает плечами.

– Просто пойдём, куда все идут. Вы кружки-то оставьте, – замечает он, глядя, как мы плетёмся к двери с чаем в руках. – Мне не жалко, но с ними неудобно будет.

Мы переглядываемся и, все трое, начинаем хохотать.

На лестнице необычайно много людей. Соседи взволнованно переглядываются, перекидываются фразами, торопятся вниз, прижимая к груди сумки и папки.

– А тебе не надо никакие документы взять с собой? – спрашивает Руслан.

– Пофиг, – Паша отмахивается, закрывая дверь на ключ. – Вы-то без документов. Пойдёмте.

Но мы и так уже стоим на пролёт ниже него, а он – наверху. И тут, конечно, раздаётся грохот. Поднимая тучу пыли, на Пашу рушится потолок.

Да как бы не так.

За секунду взлетаю наверх и становлюсь рядом с ним.

– Ты чего? – он удивлённо смотрит на меня.

– Нет, ничего. Показалось, – подозрительно кошусь на целый и невредимый потолок и вместе с ним спускаюсь вниз под внимательным взглядом Руслана.

Может, нас всё-таки убивать нельзя?

Уже на первом этаже навстречу нам поднимается человек. У меня сердце замирает, потому что я узнаю его. Те же военные штаны, только теперь в комплекте с рваной, когда-то белой майкой. Те же шаркающие тапочки. В одной руке – открытая бутылка пива. В другой...

– Отродье, – бормочет он, стреляя в Пашу.

Стоп. Это уже было. Что, фантазия закончилась?

Мы минуем пустой первый этаж и выходим на улицу. Люди кучкуются возле своих подъездов, понемногу вливаясь в общий поток, движущийся в одну сторону. Они задирают голову, глядя на пролетающие с гулом в небе военные самолёты.

Поворачиваюсь, оглядывая глазами толпу, и сразу же слышу очень неприятный звук у себя за спиной.

Оборачиваюсь.

Кирпич с уже гораздо более громким звуком падает на асфальт, и Паша тоже медленно оседает вслед за ним. По его лицу течёт кровь.

Что, кирпичом по голове? Серьёзно?

Ладно. Я не даю Паше стоять на месте и ждать кирпича. Сразу решительно тяну его за руку в ту же сторону, куда бредут все остальные.

Но люди поспешно расступаются. Навстречу с грохотом катится уродливая, угловатая, покрытая защитным узором машина. Из люка наверху высовываются два служивых с автоматами.

– Вот он! – орёт один из них. – Огонь! На поражение!

Мелькает мысль бросится вперёд, закрыть его грудью – но не успеваю. Рука Паши рывком выскальзывает из моей, когда его отбрасывает назад автоматной очередью.

Да что за чёрт, я же даже опомниться не успеваю!

Мы бежим по улице, лавируя между остальными людьми, и, наверное, вызывая среди них панику – вижу перепуганные лица по сторонам. Что дальше, ты, там, наверху или где ты?

Горящее здание прямо по курсу. Так...

Надо бы обогнуть по тротуару с противоположной стороны, но там толпа, поэтому мы продолжаем бежать прямо, уставившись на огонь.

Кажется, здесь был магазинчик одежды, если память мне не изменяет. И точно – вот металлический каркас от манекена в витрине...

Чем ближе подбегаем, тем громче слышен детский плач. Маленький мальчик лет трёх ревет во всё горло, стоя прямо перед магазином. Наверное, ему горячо вблизи огня. Неужели мама осталась там, внутри?

– Чёрт, – слышу голос Руслана за спиной.

Вывеска, тоже горящая, начинает раскачиваться прямо над ребёнком. Зная моего брата, он готов броситься вперёд, чтобы спасти мальчишку.

Но Паша опережает его. В несколько прыжков он оказывается рядом с малышом, подхватывает его на руки и кидается обратно.

Конечно, не успевает.

Но ведь мальчик тоже так погибнет!

Странно.

Значит, только нас с Русланом нужно оставить в живых? Или вообще... только меня? Ведь это я ведьма. С неожиданно нахлынувшим ужасом оглядываюсь на Руслана. Если бы он кинулся помогать Паше...

Назад. Не хочу никакого мальчишки, потерявшего маму.

Мы просто пробегаем мимо горящего магазина, и всё.

И Пашу тут же просто припечатывает к стене автомобиль.

Так не честно, это тоже уже было. Правда, тогда был грузовик, а не минивен, но всё же. Не хочу.

Мы не успеваем пробежать и десятка метров, а на него уже с огромной скоростью падает с неба какой-то металлический обломок. Нет, нет.

– Катя, прекрати! – кричит мне Руслан. – Это бесполезно!

Горящий магазин дальше ещё на двадцать шагов, и провода над тротуаром, по которому мы бежим, вдруг начинают искрить. Один из них обрывается и падает прямо на ничего не подозревающего Пашу и ещё пару человек. Знакомые вспышки и треск... Нет.

– Хватит, Катя, – умоляет брат, поймав меня за талию. – Отпусти его. Значит, так надо...

– Не хочу! – я со слезами вырываюсь из его рук и бегу изо всех сил, чтобы догнать Пашу.

Но он остановился и ждёт нас.

Он не видит, что за его спиной целый отряд военных наставил на него автоматы.

Но теперь я успею. Вырываюсь вперёд, опережая его, раскинув руки, как крылья. Я готова. Я больше не могу.

И вижу ещё одни крылья перед собой – Руслан.

– Что ты делаешь?

Наверное, выйдем мы по-идиотски.

Время замирает. Из-за плеча брата вижу пули, застывшие в дрожащем, волнующемся воздухе. Они летят к нам.

Летят?

Глава 10

Открываю глаза, хотя не помню, чтобы закрывала их. Странное ощущение – словно пейзаж, в реальности которого ты был уверен, внезапно разъезжается разрисованной ширмой в стороны, являя взгляду совсем другую картину, и с глубин подсознания тут же доносится вопрос: а это – точно настоящее?

Я сижу в просторном, но очень тёмном зале с чёрными стенами и потолком. Первое, за что цепляется взгляд – молочно-белые, слегка светящиеся нити, веером расходящиеся из ниши в стене напротив. Не вижу, куда они ведут. Но одна из таких нитей прямо у меня перед глазами идёт дрожью, дёргается и принимается плавно удаляться, её кончик мягко трепещет.

Пока я тупо размышляю, нити ли это вообще или всё же просто лучи света, боковым зрением замечаю ещё одну отползающую нить. Поворачиваю голову, чтобы посмотреть, куда ведёт она, и натываюсь на глаза брата, замороженно следящего за ней.

– Руслан, – шепчу непослушными, пересохшими губами.

Только теперь наконец задаюсь вопросом, где я, и что происходит. Бегут мурашки по телу, затёкшему от долгого сидения, хоть и в мягком, удобном кресле, слегка отклонённом назад. Мышцы слушаться отказываются, и с большим трудом я отрываю спину от кресла и поворачиваюсь, оглядывая зал.

Почему-то мелькает мысль о кинотеатре. Человек пятьдесят, на первый взгляд, подростков, полусидят-полулежат в таких же креслах в пять рядов, расположенных амфитеатром. Белые нити ведут к их лбам.

Зажмуриваю глаза и трясую головой, пытаюсь прогнать дурацкую картину, словно выдернутую из какого-то фантастического блокбастера. Открываю.

Ничего не изменилось. Ловлю взгляд брата, теперь уже осмысленный, слегка напуганный, но на удивление спокойный.

– Ты в порядке? – шёпотом спрашивает он.

Пожимаю плечами.

– Пойдём, – повелительным тоном бросает он мне, неуклюже встаёт и разворачивается спиной.

– Куда?

Он поворачивается обратно, смотрит на меня со странным выражением на лице – он никогда так на меня не смотрел, – вздыхает, грубовато берёт за руку и тянет прочь, к зашторенной нише в боковой стене, точно как в кинотеатре.

Отодвинув тяжёлую занавеску, Руслан выводит меня в ярко освещённый коридор. Мой мозг автоматически подаёт мне сигнал, что за окнами темно, хотя только что был полдень. Это сейчас не самое странное, отвечаю я ему раздражённо, и тут же запрокидываю голову, потому что яркий свет идёт не от ламп на потолке или стенах, а от самого потолка. Материал, которым он обшит, сияет ровно и мягко уютным желтоватым светом. Никогда такого не видела.

Из-за угла показывается и поспешным шагом приближается к нам женщина в униформе тускло-фиолетового цвета с жёлтой каймой. Вглядываюсь в её лицо, и внутри всё переворачивается.

– Ох и задали вы мне работы, – добродушно усмехается женщина, с улыбкой глядя на нас.

Но я знаю, что улыбка фальшивая, и эта доброта в голосе – предвестник какого-то издевательства, потому что Жанна не способна на иное.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю со злостью.

Жанна застывает, улыбка медленно сползает с её лица.

– Катя...

Руслан тоже ошарашенно смотрит на меня.

– Подожди, мам, – говорит он, обращаясь к Жанне. – По-моему, она ещё не очнулась.

– В смысле – не очнулась? – внутри меня кипит неконтролируемая злоба.

– Кто я? – спрашивает совершенно побелевшая Жанна.

– Что?

Не понимаю, почему эти двое смотрят на меня с почти одинаковыми выражениями на лицах. Не понимаю, чего от меня хотят.

– Ты – Жанна, которая издевалась над нами два с половиной года, а потом свалила, бросив нас в самой опасной ситуации.

Она какое-то время молчит, а потом, сглотнув, произносит:

– Значит, я хорошо вписалась в эту роль...

В её глазах появляются слёзы.

– Это наша мать, ты, бестолочь, – сквозь зубы цедит Руслан.

– Наша мать мертва, – неслушающимися губами бормочу я.

– Да ты вообще, что ли...

– Тихо! – Жанна расставляет руки в стороны, словно разнимая дерущихся детей. – Пойдите. Просто подождите.

Она делает глубокий вдох, подносит к лицу руку с прозрачным резиновым браслетом на запястье, издаёт языком цокающий звук, вроде тех, которыми обычно изображают стук лошадиных копыт, после чего браслет загорается ровным зелёным светом, и произносит:

– Бригаду ноль-шесть в западный коридор. Срочно.

Прибор гаснет, и она очень серьёзно обращается ко мне:

– Екатерина, ты должна знать: всё, что с тобой сейчас происходит – моя вина. Я провалила это задание как куратор вашего с Русланом Испытания. И очень хочу всё исправить. Но для этого мне нужна и твоя помощь. Постарайся не паниковать и внимательно слушать, что мы говорим.

Я начинаю задыхаться, в глазах темнеет. Моё сознание отказывается воспринимать этого Руслана, грубого и враждебного, эту Жанну, доброжелательную и серьёзную, этот сияющий потолок, светящиеся нити и браслеты, выбегающих из-за угла людей в таких же костюмах, как у Жанны, внезапное чувство укола в правое плечо.

Кажется, я кричу что-то невразумительное и мечусь, как бешеная – или наоборот, всё это время лежу без сил на полу, уставившись в светящийся потолок? В любом случае, потолок идет концентрическими тёмными кругами и в конце концов гаснет.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

– Да, это она виновата, – говорит мне сидящий напротив мужчина. – Она сильно рисковала, затеяв этот эксперимент, и вот – он провалился.

Молча разглядываю его. Если не считать странноватой одежды, обыкновенный мужчина. Чисто выбритое, интеллигентное лицо, нос с горбинкой, короткие тёмные волосы, доброжелательные серые глаза.

– Катя, – он хмурится. – Ты ведь можешь всё вспомнить! Просто не хочешь...

Это правда. Не хочу. Не хочу становиться здешней Катей. Судя по словам Руслана и Жанны, она совсем другая. Совсем не я.

Поэтому сейчас сижу здесь, в этой уютной комнатке с огромным окном во всю стену, с мягкой кроватью, с кучей незнакомой, но вкусной еды. Очень комфортные у них тюремные камеры.

Поэтому не знаю ровным счётом ничего о мире, который с недоумением наблюдаю из окна.

И поэтому молчу, глядя на мужчину, который приходится отцом здешней Кате. Мой отец умер, когда мне было пять, а Руслану почти четыре. Может, он выглядел так же. Не могу вспомнить. Воспоминания начинают меркнуть, хоть я и цепляюсь за них изо всех сил.

Он вскакивает и подходит к окну, сцепив руки за спиной. Этот жест немного напоминает мне Жанну.

– Что случилось с остальными, когда я проснулась? – решаюсь нарушить своё молчание.

– С кем?

– С людьми, которые меня окружали... Паша, Никита, Рита...

Он пристально смотрит на меня.

– Их никогда не существовало. Они были иллюзией. Такой же, как всё остальное вокруг.

– Но они разговаривали, думали, принимали решения!

– Нет... Всё не так. Они говорили и делали то, что было заложено в них программой. Всё остальное дорисовывало твоё воображение. Я не сильно разбираюсь, тебе лучше спросить у мамы... Это она специалист по Испытаниям.

Фыркаю и отвожу взгляд.

Он снова подходит поближе и садится на диванчик, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

– Катя, ты помнишь, там, в иллюзии, были эти, как их... мультфильмы. Когда мультфильм заканчивался, ты же не требовала, чтобы герои вернулись и жили с тобой в реальном мире? Там, в твоём Испытании было только три настоящих человека: ты, Руслан и мама.

Он вздыхает и продолжает:

– Собственно, именно это и привело к катастрофе. У Испытания есть два правила. Первое: в иллюзии должны быть задействованы только один испытуемый и его куратор. Второе: куратор должен быть чужим для испытуемого человеком. Мама нарушила оба эти правила. Тебе хоть успели объяснить, что произошло?

Качаю головой. Я не стала слушать. Очнувшись, орала как ненормальная на Жанну и бросалась в неё стульями.

– Разрешите тогда мне рассказать. Чтобы лучше контролировать ход Испытания, куратор соединён с твоим сознанием. Он, конечно, не способен читать всё, что происходит у тебя в голове, только поверхностный слой мыслительной деятельности – эмоции, намерения и кое-какие мысли, которые ты в своей голове оформляешь в слова. Так вот, однажды, прямо перед началом активной фазы Испытания, ты мысленно выкрикнула слово, которое оставило бы хладнокровным любого другого куратора, но не твою мать...

Помню. «МАМА!»

Он видит по моим глазам, что я поняла.

– И с этого момента всё пошло наперекосяк. Маме показалось, что ты обращаешься к ней, потому что смотрела ты в тот миг на неё. Она занервничала и на долю секунды упустила контроль над иллюзией. И ты это почувствовала. И, ощутив один раз, стала чувствительна к иллюзии в те моменты, когда куратор меняла её.

Дрожь мироздания. Вот откуда она бралась.

– Осознав свою неудачу, мама решила немного отложить активную фазу, а после её старта вообще исчезнуть из иллюзии, управляя ей из тени. Но тут началось самое интересное.

Он пристально смотрит мне в глаза.

– Каким-то образом, Катя, ты начала сама менять иллюзию – эпизодически, неумело, но менять. Мама думает, это оттого, что в вашем Испытании вас было трое. Программа рассматривала Руслана как главного испытуемого, и позволила тебе быть вроде как ассистентом куратора.

Я встряхиваю головой, потому что она слишком быстро наполняется информацией, которую я не успеваю переваривать.

– И тут мама совершила ещё одну ошибку. Нужно было в экстренном порядке прервать Испытание, перезагрузить иллюзию, дать вам с братом отдохнуть и начать заново. Но она – очень упрямая женщина. И продолжала отвоёвывать у тебя контроль над ходом дела. Продолжала до последнего момента, пока ты не пошла на крайние меры. Теперь идёт спор, можно ли считать Испытание Руслана завершённым... Достигнута ли цель...

Он замолкает, словно ожидая моей реакции. Напрасно.

– Здесь тебе бы следовало спросить: «Какая цель?» – со смехом говорит, наконец. – Ну, может, пока и не стоит... Потом... Тяжело, наверное, вот так – из одного мира в другой...

Мы ещё с минуту сидим в тишине, пока он не поднимается с дивана.

– Ладно. Я зайду ещё попозже. Держись. И не кидай больше в маму ничего.

– Мультфильм можно пересмотреть, – выпаливаю я, лишь только он повернулся к двери.

– Что? А... Нет, Кать. Это так не работает. Долго объяснять, просто поверь мне – вернуться нельзя.

– Кто придумывает персонажей для Испытания?

– В смысле?

– Кто их придумывает? Внешность, характер? Поведение?

– Есть люди, которые этим занимаются, – его голос звучит осторожно.

– Но они же их не берут полностью из головы, правда? С кого-то копируют.

Кто их прототипы?

Он хмурится, кусая нижнюю губу.

– Это плохая идея, Катя. Ты не найдёшь того, что хочешь.

– А что я найду?

Несколько секунд он серьёзно глядит на меня.

– Что ж, с другой стороны, тебе будет полезно встретиться с ним. Чтобы ты поняла. Я постараюсь убедить в этом остальных.

Разворачивается и уходит. Дверь выпускает его без малейшей заминки и снова плотно закрывается. Меня она не выпустит.

Глава 2

Странно – мне всегда казалось, в будущем нас ждут более продвинутые средства передвижения. Летающие машины там. Может быть, даже телепортация. Но не канатная дорога.

Хотя, не жалуюсь. Вид из кабины с прозрачными стенами и полом потрясающий. Со странным чувством осознаю, что это мой город. Тот самый. Где дом Жанны и наше с Пашей кафе.

И ещё одна неувязка.

– Я думала, будут небоскрёбы, – говорю вслух. – Перенаселение, всё такое...

А внизу – сплошные двухэтажные домики, явно рассчитанные на одну семью.

Руслан фыркает. Он всё ещё не в восторге от того, что именно ему пришлось сопровождать меня в исполнении моей прихоти.

– Ну расскажи, – прошу его.

Я могу чувствовать ненависть к Жанне, неприязнь к так называемому моему отцу, но не к брату. Неважно, как он относится ко мне.

– Сама вспоминай.

Он отворачивается к окну, но через минуту не выдерживает.

– Эпидемия же.

– Что?

– Эпидемия была. Сто семьдесят три года назад. Умерло больше трёх четвертей населения Земли.

Молча офигеваю, потом осторожно спрашиваю:

– А это было через сколько времени после... Ну, после того года, что в Испытании?

– Лет через двадцать.

– А, ясно. Понятно.

Мы молчим, глядя в окно. Почти двести лет.

– А что за болезнь?

– Грипп Марсо.

– Грипп?! И выжила всего четверть всех людей? Но... даже если четверть...

Обвожу глазами редкие яркие домики, утопающие в зелени.

– Многие из тех, кто выжил, остались бесплодными.

– Ничего себе. Дай угадаю. А с теми, кто не остался бесплодным, тоже что-то было не так?

Руслан подозрительно блеснит в мою сторону карими глазами.

– У меня такое чувство, что тебя подослали, чтобы проверить, насколько хорошо я историю учил.

– Да рассказывай уже.

Он вздыхает.

– Не с ними. С их детьми было что-то не так. Жуткие психические расстройства годам к двадцати-тридцати, почти у всех. Кроме тех, кто в детстве переживал сильное потрясение.

– Потрясение?

– Вроде смерти кого-нибудь из родителей, или несчастного случая...

– ...или землетрясения, пожара, ограбления?

– Поняла теперь? Испытание – это лекарство. Это просто придуманная ситуация, в которой твоё сознание переживает несуществующую потерю. И пытаться остаться в этой ситуации навсегда – просто тупо.

Не отвечаю, наблюдая, как наша кабинка сворачивает налево с основной трассы и идёт на снижение к аккуратному оранжевому домику с коричневой крышей.

Нас встречают. Старенький дедушка со сгорбленной спиной и молодой высокий мужчина рядом с ним.

У меня сердце начинает колотиться часто-часто где-то у горла.

Я вглядываюсь в лицо мужчины сквозь прозрачные стенки.

Это не Паша, как мне показалось сначала. Похож, но не он.

Перевожу взгляд на старика. Краем глаза вижу, что Руслан следит с усмешкой за моим выражением лица.

– Павел Тюрин, – лишь только мы выходим, старичок кивает сначала мне, потом Руслану. – Мой внук... Женя.

Пролетая над городом в прозрачной кабинке, я заметила, что не все дома одинаковые. Некоторые – поменьше, поприместнее, и выглядят не так аккуратно. Я уверена, что и здесь, в этом рафинированном мирке есть деление на богатых и бедных.

Хозяева этого дома – точно не из последних.

Мы проходим сквозь просторные, залитые тёплым солнечным светом комнаты. Свет бьёт через огромные окна, занимающие внешние стены почти целиком. Странно – снаружи казалось, что дом вообще без окон.

Конечной нашей целью оказалась комната, которую я бы охарактеризовала одним словом. Мягкая. Потому что она обставлена мягкой мебелью всевозможных форм и размеров: тут и огромный диван, развернувшийся чуть ли не на полкомнаты, и несколько пухлых пуфиков, и замысловатые кресла, и даже пол усеян подушками и подушечками. Общее у всего этого лишь одно – цвет. Точнее, довольно приятное глазу сочетание мятно-зелёного с шоколадно-коричневым.

А ещё внимание привлекает стена за диваном, напротив окна. Я готова поклясться, что это настоящий сосновый лес – настолько реалистично шевелятся ветви, словно от лёгкого ветерка, блестит солнце между кронами, перемещаясь, пока я иду, отдаётся бликами на каждой иголке хвои, дрожащими солнечными зайчиками на шершавых могучих стволах и палых ветках на земле.

Не выдержав, протягиваю руку и натываюсь на обычную стену. Сначала застываю на месте, поражаясь тому, что бывают настолько искусные иллюзии. Потом с нервным смешком вспоминаю про Испытание.

Хозяин жестом приглашает нас сесть, и я, слегка растерявшись, опускаюсь на уголок дивана. Руслан устраивается поодаль, на пуфике, подняв и скрестив по-турецки ноги.

Для меня любые переговоры привычно связаны с едой или, по крайней мере, кружкой чая. Но в этой комнате нет стола, и ни малейшего намёка на то, что нам что-то предложат. Должно быть, здесь (точнее, сейчас?) это не принято.

– Итак, – произносит Павел (Пашей называть его у меня внутренний язык больше не поворачивается). – О чём вы хотели поговорить, молодые люди?

Он чинно откинулся на спинку большого кресла напротив меня, а его внук, которого я так поспешно приняла за него самого, в полулежачем положении развалился прямо на полу, в окружении подушек.

Открываю рот, лихорадочно соображая, с чего бы начать, но Руслан меня опережает:

– У нас на Испытании несчастный случай. Моя сестра заиклилась на иллюзии. Основная причина – персонаж, которому вы были прототипом. Наш отец считает, что встреча с вами поможет ей восстановиться. Поэтому мы здесь. Память, кстати, у неё совсем отшибло, так что объяснять нужно на пальцах.

Я возмущённо оглядываюсь на него. Надо же, так вот бесцеремонно выложить сразу все подробности.

Это совсем не в духе моего Руслана. Это *не мой* Руслан, осознаю внезапно чётко. И я сама – не здешняя я, которую они все знали. И этот Павел – не тот самый Паша, и никогда им не был.

Что иллюзия делает с людьми?

– А, вот оно что, – старик с понимающим видом кивает. – Ну тогда, девушка, позвольте мне рассказать свою историю.

Мне, несколько секунд назад сделавшей своё открытие, больше неинтересно слушать этого чужого человека. Но я из вежливости киваю:

– Расскажите, пожалуйста.

Он покрхтывает, устраиваясь поудобнее в мягком мятном кресле, и начинает:

– Я родился в сумасшедшее время. Во всех смыслах этого слова. Представьте себе мир, которым правили подростки... Знаете, почему? Потому что взрослые были не в состоянии этого делать.

Он замолкает, его взгляд становится отстранённым.

– Стать взрослым означало *слететь*. Сойти с ума. Обычно это происходило лет в двадцать пять или двадцать семь. Иногда – раньше. Так что все, кому исполнялось двадцать, находились под подозрением... и наблюдением. Те, кто в тридцать остался в здравом уме, считались везунчиками. Но и они обычно слетали годам к сорока.

– Но... – не выдерживаю и перебиваю, – разве у тех, кто пережил потрясение, не было иммунитета? Неужели их было так мало?

– О нет, их было немало, – улыбается старик. Его взгляд всё ещё где-то далеко, не с нами. – Но мы им не доверяли. Видите ли, потрясение – это не лекарство навсегда. Оно лишь даёт время. Если дальше жизнь течёт спокойно, разум в итоге всё равно оставляет. Поэтому мы проходим Испытание каждые десять лет.

– О, правда? – я снова оглядываюсь на Руслана.

Отводит взгляд. Об этом он забыл упомянуть.

– Эту закономерность, конечно, заметили, – продолжает Павел. – Давно заметили, ещё до моего рождения. Но что-либо предпринимать... Для этого нам не доставало организованности, видите ли... Вы не представляете, что это было за время.

Он качает головой и на несколько секунд замолкает. Я перевожу взгляд на Женю. Кажется, ему скучно. Ни на кого не глядя, рассеянно водит пальцем по бархатистой коричневой ткани подушки.

– Моя мать была тихой слетевшей, – продолжает Павел. – Таких тогда оставляли в живых. Она отключилась в тридцать два – мне было семь. Дожить до этого возраста в сознании ей позволила утрата мужа. Его казнили через год после моего рождения, когда он стал буйным слетевшим.

Он тяжело вздыхает.

– После того, как её разум нас покинул, опеку над ней и надо мной взял один из Защитников. Хороший был мужик. Он научил меня многому. Помню, как он всё время хвастался, что ему слёт не грозит, потому что его работа целиком состояла из потрясений. Но мне было семнадцать, когда он его всё-таки настиг. Причём в буйной форме. Застрелил мою мать и застрелил бы и меня – если бы мои друзья, следившие за ним, пришли на минуту позже. Как сейчас помню голос одного из них: «Вот видишь, Паш! Вот поэтому я говорил, что старикам нельзя давать оружие!» А я стоял, глядя на мёртвое тело матери и отчима, и в моём сознании чётко вырисовывалась суть вещей. Всего за несколько дней до этого отчим говорил мне, что работа перестала его волновать. Что стрелял в людей, не чувствуя ни страха, ни жалости, ни злости. Не испытывая ни малейшего потрясения.

– И это была ваша идея? – мрачно произношу я. – Это вы придумали Испытание?

– О, нет, – он отмахивается. – Не я. Но, осознав, я стал искать ребят, которые мыслили в том же направлении. Начали мыслить до меня. И нашёл их. В их числе и основательницу Испытания.

– Марину Мергенбаеву, – вставляет Руслан, словно отличник на уроке истории.

– Её самую. И многих, многих ещё. Мы это сделали все вместе.

– Спасли мир? – горько киваю.

– В каком-то смысле. Прошли годы, прежде чем мы разработали, написали и воплотили иллюзию. Прошли десятилетия, прежде чем люди нам поверили, и стали её использовать.

У меня в голове вертится фамилия, которую назвал Руслан. Я помню её. Видела в одной из бумаг на столе Риты. В резюме нашей кухработницы, Марины.

– Сколько человек из вашей... команды стали прототипами?

– Все, – с лукавой улыбкой отвечает старик. – Все без исключения оставили отпечаток своих личностей в иллюзии. Должно быть, вам попалась ранняя версия.

– Да, мама решила ставить свой эксперимент на самой простой и проверенной, – буркает брат.

– Кого ты встречала, девочка?

– Марину, Риту, Никиту, Артёма... Многих. И вас.

Смотрю ему прямо в глаза – пожалуй, первый раз за всё время нашего визита.

Это они, что бы там ни было. Это его глаза. Они так же улыбаются, отдаваясь где-то в глубине ноткой грусти.

Глава 3

Никто не произносит ни слова, пока идёт трапеза. Так принято. Теперь понятно, зачем у Павла в доме мягкая комната. Чтобы разговаривать. Потому что разговаривать и есть в этом мире одновременно запрещено.

И мне не нравится этот обычай – слишком напоминает порядки в доме Жанны. Хотя сама она сейчас сидит не каменным изваянием, как в иллюзии, а чуть ссутулившись, залезая порой вилкой в общую тарелку, и кидая на меня взволнованно-заботливые взгляды.

Да, я была пай-девочкой последние три дня, и теперь на свободе. «Дома». С «семьёй».

Жанна и её муж, доев, кладут приборы крест-накрест поверх квадратной тарелки и сидят молча. Руслан заканчивает последним, делает то же самое и в ожидании смотрит на меня. Я уже не ем, но мои нож и вилка просто лежат на тарелке.

Он хмурит брови, кивком головы указывая мне на них. Закатываю глаза, но послушно перекрещиваю приборы.

Тут же все трое встают и отправляются к выходу из комнаты. Растерянно оглядываюсь на стол – интересно, посуду здесь убирают какие-нибудь роботы? – и следую за ними.

Терпеливо подождав, пока все рассядутся, вижу, как «отец» открывает рот, чтобы что-то сказать. Значит, говорить уже можно, и я выпаливаю:

– Верните меня обратно в иллюзию! Пусть это будет другой сценарий, главное – в тот же мир!

Они смотрят на меня, затем переглядываются.

– А что, это может помочь, – говорит Жанна, подняв брови.

– Ещё одно Испытание? – её муж, напротив, хмурится. – Не слишком ли большая нагрузка на сознание?

– Но если это поможет ей вспомнить...

– Я не хочу ничего вспоминать, – отмахиваюсь от их непонимания. – Я хочу вернуться туда навсегда.

– Говорю же, она безнадежна, – мрачно заключает Руслан.

Кидаю на него возмущённый взгляд.

– Катя, – осторожно начинает Жанна. – Послушай, пожалуйста. Во-первых, в иллюзии время течёт по-другому. Ты находилась под её влиянием всего двенадцать часов, а тебе показалось – полгода. И дело даже не в том, что тебе бы пришлось время от времени отключаться, чтобы выполнить физиологические потребности твоего тела...

– Разум не выдержит, – нетерпеливо перебивает Руслан, и, не удержавшись, добавляет: – Если там есть чему выдерживать.

– Не разум, а сознание. Во-вторых... Ты не сможешь вернуться с теми же знаниями и мыслями. Испытуемый должен забыть, кто он на самом деле, забыть о реальном мире. Вместо этого на него накладывается «маска». Это выдуманная жизненная легенда плюс совокупность черт личности, которых на самом деле у него нет. Например, вам с братом, помимо прочего, внушили, что вы лучшие друзья, потому что в реальности вы жили как кошка с собакой... Если честно, я надеялась вас таким образом помирить...

– И то, что тебе сейчас мешает вспомнить, кто ты такая – всего лишь разросшаяся маска, – вмешивается «отец». – Превратившаяся в подобие самостоятельной личности.

– То есть, по-вашему, нужно маску содрать, убив эту личность? – вскипаю я.

Снова переглядываются.

– Не думаю, что это можно назвать убийством, – наконец, отвечает он. – Все воспоминания и мысли, весь твой опыт останется при тебе. Просто знаешь, мы тоже соскучились по настоящей Кате, которая сейчас заключена под маской.

Киваю, пытаюсь не выдать свои горькие мысли. Значит, они всё-таки тоже признают двух Кать – их, привычную, и меня, чужую. Я смотрю в упор на Руслана – не могу понять по выражению лица, что он думает. А хотелось бы.

– А в-третьих? – беру себя в руки. – Ведь есть же ещё и «в-третьих»?

– Есть, – кивает муж Жанны. – Испытание – это дорого. Мама работает там, и ваше подключение было экспериментальным, поэтому нам обошлось немного дешевле, но всё равно очень дорого.

Мне тут же вспоминается великолепный дом Павла, одного из основателей Испытания. «Наш» дом по сравнению с ним, даже на мой неискущённый взгляд, гораздо скромнее.

– Значит... деньги здесь нужны, чтобы не сойти с ума, – без вопросительной интонации говорю вслух. – А что бывает с теми, кому не хватает денег?

«Родители» обмениваются быстрыми взглядами, и я вижу, что они хотят срочно закончить этот разговор. Но Руслан, напротив, поднимает голову.

– Их забирают Защитники. Тех, кто десять лет не проходил Испытание, сразу забирают.

– Куда?

– Изолируют. Они опасны для окружающих, потому что слёт может произойти в любой момент.

– А разве государство не должно помогать в таких случаях?

Родители, наверное, скоро шеи себе свернут, переглядываясь.

– Нет никакого «государства», Катя, – тихо говорит Жанна. – Всё совсем по-другому.

– Оно такое забавное, это прошлое из иллюзии, правда? – добавляет Руслан совсем не весёлым тоном.

Снова молчание. Должно быть, они ждут, что я начну расспрашивать о том, *как* всё устроено.

– Можно где-нибудь подышать свежим воздухом? – кротко интересуюсь. – Что-нибудь вроде веранды...

– Конечно, можно, ты же дома, – улыбается «отец».

– Только не долго, – поспешно добавляет Жанна. – И не уходи никуда. Руслан, солнышко, будь другом.

Брат бросает на меня тяжёлый взгляд и кивком головы велит следовать за ним.

Это действительно веранда. Обычная деревянная веранда, небольшая, чистенькая, ухоженная.

Облокачиваюсь на перила, разглядывая шумящие на ветру деревья, и краем глаза замечаю, как Руслан опускается рядом на скамейку. Почему он не уходит? Я бы хотела побыть одна. Или родители велели ему следить за мной?

Обдумываю, как бы намекнуть, чтобы он ушёл, но тут он произносит:

– Я не хочу, чтобы та Катя возвращалась.

– Что?

Мы секунду смотрим друг на друга, а потом он отводит глаза.

– Не хочу, чтобы ты всё вспоминала. Мне кажется, сейчас ты гораздо лучше... чем была.

– А... – осторожно начинаю после ещё одной паузы. – Какой она... я была?

– Как тебе объяснить, – он хмурится. – Помнишь, из-за чего мы с тобой там, в иллюзии, поссорились?

Киваю.

– Я бы ушла.

– Так вот: это твоя истинная сущность. Была. Плевать на всех: на родителей, меня, друзей, на весь этот чёртов мир. Лишь бы самой было уютно.

– Почему ты думаешь, что мне сейчас не плевать?

– Вижу. Ты совершенно другой человек. В общем, – он снова смотрит на меня, – не знаю, возможно это или нет, но если ты хочешь остаться такой – я сделаю всё, чтобы тебе помочь.

На этом он вскакивает с деревянной скамьи, разворачивается и уходит в дом, оставив меня совершенно сбитой с толку.

Глава 4

– Да проснись же! – слышу сквозь сон рассерженный шёпот.

Открываю глаза и вижу подсвеченное мягким сиянием лицо Руслана.

– Тебя чёрта с два разбудишь, – раздражённым тоном сообщает он, по-прежнему шёпотом.

Свет идёт от браслета на его руке. За окном темно, я седьмую по счёту ночь сплю в «своей» комнате.

– Что случилось?

– Тсс! – он прикладывает палец к губам и снова начинает шептать: – Тебе нравится этот мир? То, что ты видишь вокруг?

Неуверенно мотаю головой, всё ещё не до конца понимая, о чём он.

– Пошли! – он вскакивает на ноги.

– Куда?

– Что-то покажу. Одевайся, – он кивает в сторону маленькой ниши в стене, где висит моя одежда, и отворачивается.

Это лишнее. Я его совсем не стесняюсь.

Послушно выскальзываю из-под одеяла – здесь принято спать нагишом – и натягиваю на себя бельё и платье. Меня тянет запрячься, возразить ему, но что-то внутри подсказывает, что не стоит. В конце концов, остаться – означает смириться, встать на сторону Жанны и её мужа, а этого мне хочется меньше всего.

Руслан молчит всё время, пока я вожусь в полумраке с платьем. Такие здесь носят все – и женщины, и мужчины. Хотя, я не уверена, что это можно назвать платьями. Просто кусок материала с прорезями для головы и рук. Вся суть в маленьком приборчике, который, касаясь ткани, заставляет её стягиваться, словно превращая в резинку. Многие мужчины предпочитают стягивать свои платья на груди или на бёдрах, как Руслан. Я веду приборчиком вокруг талии, чуть выше, чем мне бы хотелось – просто чтобы не было точь-в-точь как у Жанны.

– Всё? – Руслан уже повернулся ко мне лицом, и наблюдает, как я аккуратно, но неумело закрываю приборчик, чтобы убрать обратно в шкаф.

– Как он называется-то? – спрашиваю, просто чтобы заполнить паузу.

– Стретчер, – пожимает плечами Руслан. – Ты до сих пор не знаешь?

– Не интересовалась.

– Я бы на твоём месте проявлял побольше интереса.

Не отвечаю, на цыпочках следуя за ним в тёмный коридор. У меня такое ощущение, что чем больше я узнаю об этом мире, тем сильнее меркнут воспоминания о том, настоящем. Что я только что забыла, узнав, как называется машинка для одевания?

Ночной город колышется кронами деревьев под ногами, среди тёмно-зелёного с серебристыми в свете луны бликами моря вспыхивают редкие огоньки домов. Отбрасываю попытки разобраться в темноте, над какой частью города мы летим, и просто поглощаю взглядом невероятную панораму, когда брат неожиданно встаёт.

– Что ты делаешь? – интересуюсь, наблюдая, как он ковыряется в коробочке слева от двери кабины.

Он не отвечает, но через секунду раздаётся тихий писк, затем шелчок. Руслан хватается дверь за ручку и с силой толкает в сторону.

В кабинку врывается вихрь прохладного ночного воздуха.

– С ума сошёл? – стараюсь перекрыть шум ветра.

– Туда, куда нам нужно, кейбл нас не доставит, – отвечает он, и кивает головой на приближающийся холм. – Будем прыгать.

Не могу поверить своим ушам. Тросы действительно натянуты очень низко над холмом, но всё равно будет метров пять высоты.

– Не бойся, – кричит брат. – Там мягко падать, я всё приготовил.

Я в ужасе смотрю то на него, то на приближающуюся вершину холма, а он всё продолжает раздавать инструкции.

– Батут маленький, поэтому прыгать будем вместе. Главное, сгруппируйся – колени к груди, голову береги. Поняла? Всё, приготовились... Раз, два... Три!

Сама не понимая, что делаю, отталкиваю ногами от пола кабины и лечу вниз, лечу бесконечно долго. Зажмуриваю глаза прямо перед падением в кусты, ожидая болезненного, а может, даже смертельного удара об землю. Но вместо

этого ощущаю лишь сопротивление чего-то мягкого, упругого – и снова подлетаю на пару десятков сантиметров в воздух.

Открываю глаза, чтобы оглянуться. Никаких кустов нет и в помине. Мы с Русланом лежим на поверхности странного, водянисто-резинового на ощупь материала, разрисованного темными ломаными линиями поверх зелёного фона. Я ощущаю головокружение, пытаюсь рассмотреть этот узор повнимательней, и откидываюсь назад, хохоча в лицо полной луне. Снова обман зрения. Очередная иллюзия.

– Быстрой, быстрой, – Руслан тянет меня за руку. – Они знают, что мы спрыгнули, скоро кто-нибудь будет здесь.

И мы бежим со всех ног – сквозь заросли кустарника, теперь уже настоящего, перепрыгивая канавы и камни, хорошо заметные в свете луны.

Руслан бежит впереди, изредка оглядываясь на меня. Мне чудится в его взгляде раздражение. Неужели я бегу слишком медленно?

Вскарабкавшись на очередной холм, мы наконец видим нашу цель – маленький домик, я бы даже сказала, хижину, в низине, в окружении нескольких кривых сосенок. По сравнению с теми домами, которые я здесь видела, хижина выглядит неухоженной, и, может быть, даже не жилой.

Но в окнах горит свет.

Сбавляю шаг, потому что в боку нестерпимо колет, дыхание безнадежно спёрло, а до домика осталось от силы метров сто. Расстояние между мной и Русланом увеличивается.

– Ты чего? – восклицает он, в очередной раз обернувшись. – Ну-ка...

Но его голос тонет в неприятном, резком звуке откуда-то из-за спины. Я оборачиваюсь и нервно хихикаю.

Вот они, летающие машины, которых мне так не хватало в будущем человечества. Только совсем не такие, как я себе представляла. Скорее, похожи на вертолёты без пропеллера и хвоста, зато с какими-то колёсами вместо крыльев. Две уродливые бесформенные конструкции, зависшие в воздухе почти неподвижно, и почти беззвучно. Лишь серебристым дымком колеблется в лунном свете воздух под колёсами.

– Потрудитесь объяснить, молодые люди, зачем взломали кейбл и проникли на запрещённую территорию?

Сначала не могу понять, откуда идёт голос, но потом вижу, как Руслан неприязненно косится на свой собственный браслет, мягко сияющий красным.

Он молчит. Открываю было рот, чтобы заговорить, но брат качает головой.

– Я вас слушаю внимательно, – голос из браслета преисполнен дьявольского терпения.

Руслан кидает яростный взгляд на хижину, но по-прежнему не произносит ни слова.

– Ну ладно, – в голосе говорящего сквозит разочарование. – Тогда залезайте.

Одна из машин подаётся вперёд и зависает прямо над нами. Руслан закрывает лицо рукой.

– Куда моих гостей потащили, Защитнички? – внезапно слышится сердитый голос.

На холме в десятке метров от нас стоит, скрючившись и хватаясь за бок, пожилой мужчина со взъерошенными седыми волосами, пышной щёткой усов над верхней губой и в длинном платье непонятного цвета.

– Гостей? – недоверчиво переспрашивает браслет Руслана после небольшой паузы.

– Гостей, – с вызовом отвечает старик. – Кажется, за мной ещё осталось право их приглашать.

– Ваши гости последнее время редко стали добираться человеческими путями, – голос звучит укоряюще, но теперь в нём слышится и толика почтения. – Постарайтесь хотя бы домой их отправить как подобает. А вы молодежь, имейте в виду, что вашим родителям мы сообщим. О матери бы подумали – ей и так в последнее время досталось.

На этом машины поднимаются выше и удаляются, так же беззвучно, как и появились.

– Кажется, я внятно и громко сказал не приходите, – резко говорит старик Руслану, разворачиваясь к своему дому. – Не может быть такого, чтобы ты меня снова не расслышал.

– Но вам нужно послушать меня... нас! – умоляющим тоном восклицает тот, бросаясь за ним следом.

Ровным счётом ничего не понимая, тоже бегу в сторону дома, где старик, миновав входную дверь, жестом приглашает нас вниз по ступенькам – в подвал, судя по всему.

– Значит, всё-таки послушаете, – Руслан улыбается во весь рот.

– Заходите живей, – фыркает старик.

Помещение, куда мы попадаем, поражает. Во-первых, ярким для привыкших к темноте и лунному свету глаз. Во-вторых, обилием красок и форм – стены сплошь заклеены картами, плакатами, непонятными схемами. Если подумать, раньше нигде в этом мире не видела ничего бумажного.

Одну из стен полностью занимает огромная карта мира. На ней нет деления на страны – наверное, их уже давно не существует как таковых. Но зато толпятся, пестря, группы разноцветных точек.

И океан живой, понимаю я, присмотревшись. Он шевелится, прямо как деревья в той мятно-шоколадной комнате.

Есть здесь ещё одна странность. Для этого времени странность. Маленький квадратный стол в центре и четыре стула вокруг.

– Не желаете ли чаю? – подмигнув мне, предлагает старик.

– Да, если можно, – соглашаюсь, чувствуя облегчение при мысли о том, что нет необходимости рассказывать ему, что со мной произошло.

Он и так всё знает.

С кружкой в руках этот человек подходит к стене и издаёт привычный уже мне цокающий звук. Карта эффектно уезжает вверх, открывая меню с непонятными значками вместо букв. Неужели письменность так сильно поменялась за эти двести лет?

– За здоровье Эммануэля Марсо, – тихо, но чётко произносит хозяин.

На экране, один за другим, начинают появляться странные портреты. Нарисованные, шевелящиеся изображения людей с цветными волосами или кожей, животных, вообще каких-то монстров. Один из портретов мог бы сойти за нормального человека, если бы не висел вверх ногами.

– Что, уже? – мой брат выглядит шокированным. – Прямо сейчас?

– Ну, я всё ждал знака свыше, а это чем не знак? – старик добродушно кивает на меня. – Вы же этого хотите, правда?

– Чего этого? – интересуюсь напряжённо. – Я – нет!

Браслет Руслана издаёт щелчок и загорается синим.

– Обратный отсчёт, ребята, – не обращая на меня внимания, произносит старик. – Двадцать три.

– Двадцать два, – сразу же отзывается мужской голос, и один из портретов на стене выделяется золотистым контуром.

– Двадцать один, – ещё один голос, и ещё один портрет.

– Двадцать, – это уже женщина, обозначенная на экране ярко-красной кошкой.

– Девятнадцать, – произносит голос рядом со мной.

Обернувшись, я вижу Руслана, сжавшего зубы. Он убирает браслет от лица. На стене вспыхивает картинка с синим вороном.

Старик ходит взад-вперёд по комнате, слушая, как ещё шестнадцать невидимых человек называют свои номера. Но дальше номера «три» дело не идёт. Мы ждём ещё немного, затем старик кивает.

– Быть тому. Вперёд!

Глава 5

– Может быть, мне кто-нибудь что-нибудь объяснит? – не выдерживаю я.

Все головы поворачиваются ко мне, окатывая меня волной смущения. Уже жалею, что сорвалась.

Но я права.

– Вы заставляете меня участвовать непонятно в чём, – произношу уже спокойнее. – Я не имею ни малейшего понятия, куда мы летим, зачем, и что там будем делать. Это нечестно.

– Так и есть, – пожимает плечами молодая девушка с длинными чёрными волосами. – Почему вы ей до сих пор не рассказали?

Остальные переглядываются. В основном, это всё подростки и молодёжь. Старик здесь определённо самый старший, и ещё есть пара мужчин лет сорока и пожилая женщина.

– Ты прости, Катя, но нам всё ещё трудно поверить, что ты на нашей стороне, – говорит, растягивая слова, парень в конце салона. – В твоём духе, скорее, сдать нас всех с потрохами Защитникам.

– Но я не собираюсь этого делать! – восклицаю возмущённо. – Я не та Катя, которую вы знали!

– А вдруг ты неожиданно всё вспомнишь, станешь прежней Катей, и сделаешь это? – не унимается парень. – Ведь согласишься, такая возможность есть. Почему мы должны рисковать?

– Думаю, мы можем рискнуть, – мягко говорит пожилая женщина. – Всё очень просто, Екатерина: мы хотим устроить революцию. Ты знаешь, что это такое?

– Я *помню*, что это такое. То есть, вы хотите свергнуть правительство.

– У нас нет правительства, в том-то и дело.

– Нет правительства?

– Это называется «анархия», – вмешивается брат. – Вспомни, в школе проходили. Там, в иллюзии.

В сознании вспыхивает знакомый символ: буква «А» в круге, и сразу же подключается ассоциация с музыкой, которую любил слушать Руслан.

– Эээ... или я что-то путаю, или я себе не так анархию представляла. Ладно. Так... как вы собираетесь устраивать революцию, если нет правительства?

– Мы хотим его поставить, – просто отвечает один из мужчин.

Я мрачно смотрю на них всех.

– Подчинить остальных людей, – заключаю, наконец.

Поднимается гвалт: начинают говорить сразу несколько человек. Старик, до этого молчавший, останавливает их одним-единственным жестом.

– Давайте я расскажу, – предлагает он, сверкая на меня хитрецей в глазах. – Представь себе, Катя, общество, в котором у людей есть срок годности. Этот срок нужно время от времени обновлять – знаешь, как?

– Проходить Испытание, – бормочу я.

– Верно. Удовольствие дорогостоящее. Особенно для семей с несколькими детьми и стариками-родителями на шее. Не потому, что плохие дяди нарочно задирают цену, чтобы набить себе карманы, а потому что это действительно затратно – по энергии, по материалам, по количеству труда специалистов, которые работают с иллюзией. Так вот, как следствие, в этом обществе время от времени появляются «просроченные» люди.

– Их забирают Защитники.

– Да. И это тоже правильно. Потому что велик риск, что они сильно навредят, или даже погубят окружающих, когда придёт их час.

– Что с ними делают?

– Держат в специальных местах под наблюдением, с возможностью видиться с родными. Потом, когда слёт берёт своё, по идее, должны казнить. Легко и безболезненно. Хотя... до нас доходит иная информация...

– А если семья накопит за это время деньги, им можно пройти Испытание?

– Не выйдет. Есть риск, что Испытание уже не даст результата. И чем больше просрочен человек, тем выше этот риск.

– Так чего же вы хотите?

– Что бы ты сделала?

Я гляжу на него с подозрением, ожидая какого-то подвоха, но он просто смотрит на меня честными глазами.

– Сделала бы Испытание доступным всем, – отвечаю, подумав. – Но как, если оно такое затратное? На какие средства? По-моему, это очень наивно.

– Было бы справедливо, если бы все или платили определённую сумму в фонд Испытания...

– Налог.

– Да... или, если нет возможности платить деньгами, работали бы на него.
Налог трудом.

– И всего лишь ради этого? Вся революция?

– Всего лишь? – возмущённо восклицает одна из девушек, по виду – моя ровесница. – Да ты представить себе не можешь...

Женщина кладёт руку ей на плечо, и произносит:

– Все, кого ты здесь видишь, однажды так потеряли кого-то из близких. Для нас это не «всего лишь».

– Все? – недоумённо перевожу взгляд на Руслана.

– Да ты просто не помнишь, – мрачно говорит он. – Бабушка. Ты не помнишь тот день, когда стало ясно, что если мы заплатим за её Испытание, не хватит денег, чтобы оплатить наши. Знаешь, что ты сказала тогда?

Мотаю головой. Не хочу знать, что сказала та Катя.

– Ты сказала, что она уже прожила свою жизнь, а у нас с тобой всё впереди.
Поэтому ей нужно отступить. Что она и сделала.

Я сглатываю.

– Она... жива?

– Да, – Руслан кивает. – Пока ещё.

Машина, наподобие тех, что недавно пытались забрать нас с Русланом, только намного больше, бесшумно идёт на снижение и садится на просторную площадку возле незнакомого, нетипичного для этого мира аккуратных домиков, здания. Мы гуськом тянемся к выходу.

Я понимаю, где мы, лишь только переступаю порог. Узнаю этот светящийся потолок. И лавандового цвета форму на перепуганных людях в коридорах, что так резко отличается от повсеместно носимых платьев.

– Почему здесь? – спрашиваю на бегу у Руслана. – Почему не захватить базу этих Защитников?

– А толку? – пожимает он плечами. – У них и базы-то нет, так, мелкие опорные пункты то тут, то там. А у лагеря изоляции охрана – знаешь, какая мощная? Зато здесь – всё, что нам нужно. Настоящая-то власть – здесь.

Обдумав эти слова, мысленно соглашаюсь. Я представляю себе, какие возможности получает тот, в чьих руках находится ключ к жизни в здоровом уме.

Глава 6

– Вы серьёзно?

Перевожу взгляд с одного на другого, не веря своим ушам. То, что они предлагают, очень странно. После всего, что мне говорили до этого.

– Вы серьёзно хотите отправить меня в иллюзию? Но... как же маска?

– Маска накладывается на испытуемого, а ты подключишься как куратор, – отвечает Татьяна.

Я в недоумении смотрю на неё. На вид ей лет шестьдесят – глаза выдают возраст, а лицо гладкое, волосы – пышные и красивые, фигура – как у тридцатилетней. Если подумать, ни разу не встречала здесь неухоженного человека. За исключением старика.

– Как куратор? А кто будет испытуемым?

– Никто. Кураторы иногда подключаются поодиночке. В основном, чтобы потренироваться. Или чтобы испытать новую версию иллюзии...

Мы втроём стоим у дверей в пустой кинозал. Я добилась, чего хотела. Меня отправляют обратно. К Паше. В мой мир. Но почему-то я не спешу заходить...

– Вопрос в том, действительно ли ты этого хочешь, – произносит Руслан, словно прочитав мои мысли. – И что оно тебе даст.

Со стороны коридора несутся голоса, но мои собеседники не реагируют. Должно быть, уверены, что всё идёт по плану.

Со вздохом делаю шаг к двери. Руслан хватает меня за руку.

– Зачем? – его карие глаза горят огнём. – Зачем оно тебе? Ну, проживёшь ты там эти полгода, осознавая, что всё кругом ненастоящее. Фальшивая школа, фальшивое кафе, фальшивый Паша. Так необходимо? Всё равно же в результате проснёшься здесь!

– А что мне делать? – пытаюсь не пустить к горлу горьковатый ком. – Что делать, Руслан? Я не здешняя! Это не я! Ты сам говорил... Не такая, какой была до Испытания...

– Тебе же не обязательно опять такой становиться. Ты можешь всё заново начать. С другим взглядом на вещи. Узнать побольше об этом мире. Завести новых друзей. Хотя бы из тех ребят, которые с нами летели. Можно попробовать поближе познакомиться с Пашиным внучком, хочешь?

– Дурак.

– Я-то дурак?

Мы несколько секунд смотрим друг на друга. Я чувствую, как одновременно с подступающими рыданиями по лицу расплзается улыбка.

Потом перевожу взгляд на Татьяну. Всё это время она терпеливо слушает наши разговоры, скрестив руки на груди и мягко улыбаясь.

– Нет, я всё-таки пойду, пока есть шанс. В конце концов, двенадцать часов – не так много, да? Пока буду там, подумаю. Вернусь – скажу.

– Как знаешь, – брат пожимает плечами с деланным безразличием, но я-то знаю, что он дуется.

Татьяна жестом руки приглашает следовать за ней, и исчезает за тяжёлой занавеской. Я медлю, прежде чем войти. Приоткрыв занавес, разглядываю ряды людей, словно бы нанизанных на светящиеся нити.

Кто-то снова хватается меня за руку, лишь только я захожу. Раздражённо оборачиваюсь, чтобы отчитать нытика Руслана, но это вовсе не он.

Незнакомый рослый мужчина настойчиво тянет меня за руку обратно в коридор. Там уже стоят ещё несколько людей в такой же жёлто-фиолетовой форме.

Руслан с досадой смотрит в сторону. Татьяна, грустно улыбаясь, переводит взгляд с одного из собравшихся на другого.

– Опять, да? – произносит женщина со стянутыми в хвост светлыми волосами, кивком указывая на меня.

– Это другой случай, – качает головой Татьяна.

В том конце коридора топот ног – один за другим появляются фигуры в зелёном, подходят ближе, берут нас в полукольцо.

– Ради одной-единственной девочки, – удивлённым тоном говорит кто-то из них. – Ради одной дурочки – столько риска! И ладно бы речь шла о её жизни... Это так глупо, что даже не верится.

– Но вы поверили, – спокойно отвечает Татьяна.

Резким движением она прижимает нас с братом к стене. Слышится звук, словно гудит трансформатор. Крики, но какие-то приглушённые, как сквозь вату. И молочно-белая пелена застилает глаза.

Сначала мне кажется, что я теряю сознание. Но нет, повернув голову, вижу, что всё реально. Точнее, реальны только мы втроём. По бокам, сверху и под ногами – клубящийся непрозрачный туман.

– Мы были приманкой, да? – тихо говорит Руслан. – Они подумали, что мы все пришли, чтобы подключить Катю...

– Такой у него план, – пожимает плечами Татьяна.

– Почему они сказали «опять»? – спрашиваю я.

Руслан смеётся.

– Что смешного?

– Ты в своём репертуаре. Вечно тебя не то волнует. Балаклавы помнишь?

– Я уже один раз пыталась незаконно подключить к Испытанию человека, – отвечает мне женщина. – Когда здесь работала. Своего брата.

– У вас тоже не было денег?

– Деньги были. Ему запретили проходить Испытание из-за провинности на работе. Он обслуживал кейблы и не уследил, чтобы очередную кабину вовремя отремонтировали. Та сломалась в полёте.

– И за это лишили Испытания? Это же всё равно что смертная казнь!

– В какой-то степени справедливо. Каждая работа должна быть выполнена на совесть. Я, кстати, после этого тоже потеряла и работу, и право на Испытание.

– Понимаешь теперь? – тихо говорит Руслан.

Туман вокруг рассеивается.

– Ого.

В коридоре больше никто не стоит. Все лежат. Неподвижно.

– Они что... – мой голос дрожит.

– Нет, конечно, – отмахивается брат, пока мы пробираемся среди тел к выходу из коридора. – Просто парализованы. Татьяна нас прикрыла полем, а ребята шарахнули из «Аксиомы».

Я киваю. Думаю, лучше не спрашивать, что это такое.

– Но ведь нас тоже могут так. Шарахнуть.

– Могут, – кивает Татьяна. – В любой момент. До этого им мешали принципы гуманизма, но после такого...

– Поэтому нужно шевелиться, – вмешивается старик, расслышав последние слова. – Ты ещё не передумала погружаться в иллюзию, барышня?

Глава 7

Очень неудобно, полулёжа в этом дурацком кураторском кресле, тянуть шею, чтобы видеть, что происходит на стене-мониторе. Там, правда, пока не происходит ничего. На тёмном квадрате в центре – очертания ещё одного кинозала. Он поменьше, чем мой, и выглядит несколько заброшенным.

– Секунд через тридцать, – сообщает кто-то за моей спиной.

Уже было откинувшись в кресло, снова приподнимаюсь, стараясь разглядеть экран.

– Вот они. Готовьтесь.

Занавеска на двери осторожно, но решительно отодвигается. Группа людей гуськом заходит в зал. Кто-то включает свет, и нам теперь хорошо видно их зелёную форму. Они оглядываются по сторонам, но не слишком внимательно – по приборам видели, что в помещении никого нет. Спешат к нам, кучке красных точек на дисплее. Однако, чтобы достать группу мятежников, сбившихся в комнатку для кураторов Испытания, сначала нужно пройти через зал.

– Включайте, – приказывает старик.

Защитники застывают на месте. Нам ничего не слышно, но их сейчас оглушает чудовищной силы белый шум. А со стороны нашей каморки тянутся злополучные светящиеся щупальца.

Слишком медленно. Я возмущённо окидываю взглядом присутствующих – нельзя ли как-то их ускорить? – но все они, затаив дыхание, напряжённо

наблюдает за происходящим. И сразу несколько человек издают приглушённые стоны, когда один из Защитников начинает трясти головой и пятится назад, натываясь на подлокотники кресел.

– Без паники, – сухо произносит старик, и выдаёт ещё одну серию щелкающих звуков.

Защитник падает на колени, но послушно поднимает лицо навстречу своей нити.

– Это их командир, – шепчет Руслан возле моего уха. – Ты будешь говорить с ним.

– Катя, готовься, – раздаётся голос Татьяны. – Десять... Девять...

Безумная, безумная идея. Их идея – старика и Татьяны. Я должна поймать этих людей в сети иллюзии, довести до грани сумасшествия, вытянуть информацию. Но шансов нет. Я не справлюсь.

– Восемь... Семь... Шесть...

Несколько наших ребят появляются на экранах. У них на голове – объёмные наушники, защищающие от шумовой атаки. Стремительными движениями они подхватывают падающих на пол Защитников, небрежно бросают их в кресла.

– Пять... Четыре... Три...

Щупальца на экране слегка идут рябью, прикрепившись к головам жертв. Я чувствую тёплое прикосновение к собственному лбу. Дороги назад нет.

– Два... Один... Старт.

Белое сияние заливает весь мир вокруг, становится миром вокруг. Им теперь наполнена каждая клеточка в моём теле. Я его вижу, слышу, чую, осязаю и чувствую на вкус.

Но это не новое ощущение. Я не раз слышала рассказы знакомых о том, как они проходили Испытание. А недавно прочувствовала всё на своём опыте.

Меня зовут Екатерина Панфилова. Я помню всё. Помню лицо своей бабушки. Люблю своих родителей. Знаю всё об этом мире – всё, что необходимо знать подростку, и даже чуть больше.

А ещё помню мир Испытания. Маму – другую, не Жанну... Пашу, Риту, Никиту, Марину. Всех одноклассников – в лицо и по именам. Надпись на своём велосипеде. Примеры, которые решала в последнем задании по математике. У моего выдуманного отца, кстати, было совсем не такое лицо, как у настоящего.

Свет становится ещё ярче, хотя казалось что ярче – некуда. Больно...

Но потом всё проходит.

«В иллюзии время течёт по-другому».

Здесь у меня есть минут пятнадцать, пока неподготовленное и несогласное сознание Защитников пытается оттолкнуть навязанную иллюзию. И за это время я должна выудить у их лидера нужную старику информацию.

«Сначала напугай их», – сказала Татьяна. – «Ты справишься. Ты уже управляла иллюзией».

Мне нужно только захотеть – и вот наши обалдевшие Защитники уже стоят на городской площади, окруженные толпой солдат с автоматами.

Я, правда, призывала монстров.

Наверное, в программе есть ограничения – всё должно вписываться в рамки этого мира. Ладно, так тоже сойдёт.

Защитники поднимают дрожащие руки. Бедолаги, мало того, что их насильно запихнули в иллюзию без масок – так теперь ещё и это.

Только командир на это не ведётся. Он тоже выглядит неважно и дрожит, но кричит остальным, чтобы взяли себя в руки. Убеждает их, что всё это – не реально.

Я хмыкаю про себя. Это мы сейчас посмотрим.

Солдаты внезапно направляют оружие друг в друга и стреляют. Грохот выстрелов и жуткие предсмертные вопли, за которыми следуют не менее неприятные звуки падения мертвых тел на асфальт, шокируют даже командира. Он стоит совсем белый, щедро забрызганный кровью, и диким взглядом обводит страшную картину. Несколько Защитников падают на четвереньки, опорожня желудки.

Господи, я и не подозревала, что у меня такая жестокая фантазия. Как саму не тошнит. Насколько себя знаю, никогда не переносила подобные зрелища.

Неправда, отзывается какой-то кусочек моего сознания. Просто это та часть характера, которую убрали под маску перед Испытанием. Жестокость и хладнокровие – они всегда были во мне.

Ясно, понятно. Привет, прежняя Катя.

Но нет времени копать в себе. Моя пробудившаяся буйная фантазия вовсю диктует, что творить дальше.

Десятки летучих мышей, крупных, как кошки, слетаются со всех сторон и принимаются пожирать мёртвые тела, разбрасывая вокруг окровавленные ошмётки.

Один из Защитников, стоя на коленях, хватается за голову и начинает орать дурным голосом.

А ещё землетрясение. Теперь на коленях или на четвереньках все без исключения. Под аккомпанемент глухих раскатов, земля сотрясается так сильно, что трудно удержать равновесие. Один из столбов у края площади падает, утягивая за собой провода. Коснувшись чёрно-коричнево-красной кишачей мешанины тел и зверей, провода искрят и порождают мощную вспышку. Под жуткий визг горящих животных пламя стремительно распространяется по кольцу, окружая несчастных.

Это я вижу происходящее, как объёмную картинку. А им, должно быть, достаётся реалистичности по полной, включая жар пламени и неповторимый дым от горящей плоти.

– Хватит! – кричит кто-то из них, и захлёбывается в кашле. – Хватит! Что тебе от нас нужно?

Может, и правда хватит?

Ещё чуть-чуть, чтобы наверняка.

Земля заходится в новом приступе толчков, и с эпичным звуковым сопровождением разъезжается пополам в нескольких метрах от Защитников. Картина довершается срывающимися в бездну горящими останками.

Теперь моя очередь появиться.

Брезгливо убираю смрадный дым, оставив лишь чистое пламя для эффекта, и возникаю из ниоткуда на самом краю пропасти, прямо перед командиром.

Он выглядит измученным, но взгляд вполне осознанный. А вот остальные, обезумевшие, будут мешать. Внезапно решаю, что хочу поговорить только с ним и в более уютном месте.

Пустой сквер у больницы, где лежал Паша, подойдёт. Мы сидим на скамеечках друг напротив друга.

– Это ты? – мрачно вопрошает он, едва шевеля губами на сером лице. – Неважно... Что?

– Почему Испытание так дорого обходится? – задаю ему первый вопрос из надиктованных мне Татьяной.

– Ничего оно не обходится дорого, вы уже и сами могли догадаться, – бурчит он. – Цена сильно завышена. Нам просто нужны просроченные...

– Зачем?

Он усмехается. Как вообще можно усмехаться после всего этого?

– Я знаю, что они думают... Знаю каждый их чёртов вариант... Будто бы мы ставим опыты на людях, или используем их для выработки энергии. Или, мой любимый – делаем из них продукты питания. На самом деле всё проще. И неприятней. Готова услышать, девочка? Готова передать своему беспокойному вождю?

Я не уверена, что готова. Но нельзя же отказаться от такого предложения. И я киваю.

– Нет никакой всемогущей программы, создающей иллюзию. Точнее, программа есть, но она довольно проста. Никакие синтетические мозги не способны заменить человеческие. Всё, что мы видим в иллюзии, вот даже прямо сейчас, – он поводит вокруг ослабшей рукой, – это плод воображения реальных живых людей, подчиняющихся воле куратора. Мы их называем Мечтателями.

– То есть... Вы специально ставите непомерно высокую цену на Испытание, чтобы получать «просроченных». Подключаете их к иллюзии и используете их фантазии... Но... почему просто не нанимать людей и не платить за это?

– Всё не так, – Защитник качает головой. – Нет способа подключить и отключить человека. Мы его ищем и, может быть, когда-нибудь найдём. А пока –

Мечтатели отдают своё сознание иллюзии. Они становятся иллюзией. Выхода обратно нет.

Мой мозг отчаянно протестует, отказываясь воспринимать информацию. И его протест проявляется приступом жуткой головной боли, возникнувшей в считанные секунды.

– Но ведь просроченные видятся с родными! А, вот оно что... – до меня доходит. – В иллюзию загружают только тех, кто слетел. Это вместо смертной казни.

– Да, у слетевших гораздо богаче фантазия. И ими проще управлять, потому что разрушено чувство собственного «я».

– Получается, – шепчу, игнорируя боль, – общество жертвует кем-то... чтобы остальные спаслись от сумасшествия. Ну... в общем-то, разумно... Но неужели нет другого способа?

– Пока нет. И потом, функция Мечтателей не заканчивается на поддержании иллюзии. Они правят миром.

– Что?

– Всё, что нас окружает – транспортная система, экология, добыча ископаемых, производство сырья и продуктов питания – всё это под их контролем. То, что мы называем программой координации, заменяющей нам правительство, на самом деле – они. Наблюдают, анализируют информацию, планируют, принимают решения именно они. А нам остаётся лишь следовать их советам.

Я тупо смотрю на него. Головная боль становится невыносимой.

– А ты – сообразительная девочка. Система разумная, ты сама сказала. Так ли необходимо ломать её, как хочет старик? Нужно ли всем остальным знать о ней? Всё налажено и работает с минимальными потерями. Может быть, со временем мы найдём выход получше. Если нет – ну, это, чёрт побери, тоже не самый худший. Подумай.

Страшный жар переполняет меня, стекая волнами от раскалывающейся головы вниз, до самых пяток. Я кричу, утратив силы терпеть, и вырываюсь из объятий кем-то придуманного скверика со скамейками. Света в этот раз нет – наоборот, всё затопила тьма, настолько чёрная, что невозможно в неё поверить.

Глава 8

– Что, Катя?

Перепуганное лицо брата маячит надо мной. Без сил падаю на кресло, не отрывая глаз от медленно отползающего светящегося щупальца. Головная боль постепенно утихает. Я, наверное, действительно кричала, потому что ко мне повернуто несколько обеспокоенных лиц.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает брат.

– Голова болит...

– Ещё бы, – Татьяна буравит меня пристальным взглядом. – Ты, похоже, перестаралась со спецэффектами, пока была в иллюзии, скажи честно?

– Сами же сказали напугать их...

– У тебя прямо талант. Должно быть, от матери.

Пока она деловито отсоединяет датчики, приподнимаюсь на локте. Людей в помещении теперь меньше – по сути, остались только мы с Русланом, ещё трое из молодёжи, Татьяна и старик.

– Как успехи? – спрашивает последний, не отрывая глаз от экрана.

– Вы ошиблись, – мой голос дрожит и болезненным звоном отдаётся в голове. – Правительство-то есть.

Старик неопределённо хмыкает, и я понимаю: он не ошибся, он знает. Не может он этого не знать. Как и всего того, что я по просьбе Татьяны так старательно выпытывала у командира Защитников. Но тогда зачем?..

Несколько секунд молча, с нарастающим раздражением, сверлю глазами его спину, и в конце концов не выдерживаю:

– Это бесполезно! Адриан не отступится. Даже если вы его убьёте, куча народу на его стороне, со всеми не справитесь... И они правы. Нельзя ничего менять, всё рухнет. Какой бы жестокой не была эта программа, без неё будет ещё хуже...

Я выложила это всё лихорадочным тоном, запинаясь. Может быть, поэтому остальные на меня смотрят так, будто не поняли ровным счётом ничего. Только старик по-прежнему стоит ко мне спиной.

Перевожу взгляд на экран. Пленники привязаны к креслам, вяло шевелятся.

– Почему никто не приходит к ним на помощь?

– Ну почему же не приходит, – старик наконец поворачивается и весело подмигивает мне. – Посмотри сама.

Я неловко слезаю с кресла, морщась от очередного приступа боли, и подхожу к стене с экраном. Инстинктивно щёлкаю языком, и жестом руки сдвигаю изображение. Его место занимает вращающаяся панорамная картина происходящего вокруг здания.

Их много. Человек сто, думаю. Почти все вооружены. В воздухе висит пять онтокоптеров.

– Почему тогда... А, ясно, заложники, – до меня доходит. – Группа Адриана и персонал центра у нас в заложниках. А ступораторы или другое психотропное оружие бесполезно, стены здания защищены от них. Чтобы Испытанию ничего не мешало... Мама рассказывала.

Поворачиваюсь лицом к остальным, и вдруг осознаю, почему все на меня так уставились. Совсем не потому, что беспокоятся за моё самочувствие.

Я упомянула командира Защитников по имени. Как нечего делать управилась с дисплеем на стене. Назвала вещи, которых нет в иллюзии, своими именами. А Жанну – мамой.

– Вообще, честно говоря, твоей маме не следовало разглашать такую информацию, – вздыхает Татьяна. – Но не мне судить, конечно.

Смотрю на Руслана, пытаюсь прочесть выражение его глаз. Это, наверное, разочарование. Он так не хотел, чтобы «прежняя Катя» возвращалась, дурачок...

Все они ждут, что я буду делать дальше, вернув себе настоящую личность. Особенно колючий взгляд у Данила. Это он по дороге сюда предсказал, что я могу внезапно всё вспомнить и всех их предать.

Самое интересное, что мне действительно не хочется больше быть на их стороне. Но не потому, что настоящая Катя такая злая и нехорошая. Просто теперь я понимаю, что их действия ведут к катастрофе.

Так что да, Данил, я всё вспомнила и готова это сделать. Даже, наверное, должна.

Улыбаюсь и собираюсь сказать что-нибудь дружелюбное, чтобы они не заметили моё настроение, но тут вмешивается Руслан.

– Что значит – правительство есть? – хмурится он, кидая косой взгляд на старика.

– Защитники, – с готовностью начинаю объяснять я. – Они управляют городом с помощью прог...

Меня бесцеремонно перебивает пронзительный сигнал со стороны дисплея.

– Пора, – быстро произносит старик, повелительным взглядом указывая на дверь. Рад, небось, что не пришлось отверчиваться. – Лиза, останься. Следи за ними.

И мы бежим по коридорам, куда – пока непонятно. Впрочем, меня это сильно не беспокоит. Настоящая Катя, оказывается, мастер действовать по обстоятельствам.

Над головой мягко сияет светопласт, который довёл до припадка меня, едва очнувшуюся от Испытания – смешно вспомнить. В голове зреет смелый и подлый план. Я пока не решила, собираюсь ли претворять его в жизнь, или нет.

Что дороже? На одной чаше весов мой родной брат и горстка знакомых под предводительством местного сумасшедшего. Их всех лишат права на Испытание. На другой – благополучие всего города, а может, и мира.

А ещё первую чашу тянет вниз вторая Катя, эта чёртова маска, колотит кулаками и, надрываясь, требует, чтобы я не была такой вероломной стервой.

Да пошла она. Обидно же.

Шнурки.

Подумать только, как странно – из всех возможных вариантов застёжек обуви в наше время популярна именно непрактичная, неудобная шнуровка. Считается чуть ли не чертой интеллектуала каждый раз давать себе труд вручную зашнуровывать и расшнуровывать свои ботинки. А они, между прочим, имеют свойство время от времени развязываться – причём в самый неподходящий момент.

– Догоню, – кричу я, склоняясь над пострадавшим ботинком. Это было нетрудно – всего лишь наступить на край шнурка.

Руслан делает движение, словно собирается меня подождать, но потом встряхивает головой и бежит дальше. За что я ему бесконечно благодарна.

Лишь только мои спутники скрываются за очередным углом, вскакиваю на ноги и бегу со всех сил – но не в ту сторону. Обратно, в комнату кураторов.

Лиза недоумённо оборачивается на стук открывшейся двери. Хорошая девочка, учится на год младше меня. Я знаю, почему она здесь – они забрали одну из её трёх старших сестёр. Родители сами виноваты. Нечего заводить столько детей, если не в состоянии всем обеспечить Испытание. Но её самую жалко.

– Помоги, – притворно задыхаясь, хватаюсь за неё, ошарашенную, словно в поисках защиты.

Незаметно достаю из её кармана шокер.

Вот и все дела. Аккуратно укладываю обмякшее тело на пол. Девочка даже понять не успела, что случилось. И главное – не успела послать остальным тревожный сигнал. Через пару часов очнётся.

Преодолевая дикую головную боль, с разбегу кидаюсь в кресло куратора и принимаюсь дрожащими руками цеплять на себя датчики, одновременно активируя щелчком языка экраны на стене и отыскивая там кнопку, которая включит ступоратор.

Как раз вовремя. Группа «революционеров» как раз вбегает в зал Испытания. Без тени сомнений тыкаю пальцем в воздух, включая кнопку, и вот – они попались в свою же ловушку. Оглушённые белым шумом, замирают на месте. Подав команду подключения к Иллюзии, с болью гляжу на фигуру Руслана, пока сияющие нити ползут по воздуху к их лбам. Прости, братишка...

Но что-то ещё не так. Судорожно пересчитываю застывшие фигуры – всего четыре, одного не хватает. Кого? Вот чёрт, надо же так...

Старик стоит в дверях. Сквозь молочный свет приближающейся к моей голове нити вижу выражение его лица – там ни капли злости или раздражения, только насмешливое удивление... И жалость.

Шлепок выстрела. Я знаю этот звук – парализатор. Но одновременно с ним моего лба касается тёплое щупальце нити.

Я ещё успеваю понять – что-то сейчас пойдёт не так.

А потом всё тело пронзает ослепительно белой болью, которая тут же распространяется на весь мир.

Потому что тела у меня больше нет.

Глава 9

А мир, оказывается, совсем не такой, каким я его видела... каким все его видят.

Не существует цветов и узоров – есть только излучение, бесчисленными способами пронизывающее пространство и отражающееся от предметов. И звуков нет – лишь колебания. Жар и холод – тоже иллюзия. Но всё это хоть как-то связано с реальностью. А самое выдуманное, самое ненастоящее наше чувство – это боль.

Мы – пленники собственных ощущений. Закутавшись в них, как в кокон, отгородившись от всего остального, полностью доверяем органам восприятия, которые позволяют уловить крошечную долю происходящего вокруг. И даже вообразить себе не можем, насколько сложна вселенная. Эта необъятная система непрерывно двигается, меняется и каждой частичкой взаимодействует внутри себя.

Какое-то время я ошеломлённо созерцаю открывшуюся истину. Затем звено за звеном начинаю выстраивать логическую цепочку мыслей.

Что мешало мне осознавать всё это раньше? Должно быть, то, что контролирует органы чувств. Мозг. Раз ограничение исчезло, значит, он больше не функционирует. Мёртв. Я умерла. Но почему-то кажется, что в таком случае должна исчезнуть и личность. А я по-прежнему Катя.

Хочу жить, – неуверенно отправляю мысль куда-то в пространство.

Кто тебе мешает? – немедленно приходит ответ.

Теряюсь. Разговоры с собой для меня не в новинку, но сейчас я твёрдо уверена – там не я.

Как мне так жить? – обиженно возражаю неизвестному собеседнику.

А что тебе для этого нужно? – откликается он.

Действительно, что? Немного подумав, решаю начать с тела и привычных органов чувств. Поднимаю руку и осматриваю собственную ладонь. Наклоняюсь, чтобы разглядеть ноги. Ощупываю лицо, волосы.

Стесняться в этой безликой пустоте, конечно, глупо и некого, но всё же одежда – то что надо, чтобы ещё больше почувствовать себя живым человеком. Останавливаюсь на компромиссе: простое летнее платьишко из мира иллюзии такой же длины и силуэта, как в современном мире. Сандалии. Никакой шнуровки.

– Так лучше? – интересуется голос.

Вроде бы слышу его ушами, а определить, какой он – высокий или низкий, мужской или женский, не могу.

– Обстановку бы поуютнее, – бурчу.

Голос молчит, но создаётся впечатление, будто собеседник передёрнул плечами: валяй.

Решив шибко не фантазировать, разворачиваю вокруг всё тот же скверик около больницы. Устало опускаюсь на скамеечку, кладу голову на руки. Как бонус к ощущению себя живой приложилась тупая головная боль.

Звуки лёгких шагов и тень на асфальте дают знать о чьём-то приближении. Скрип скамейки напротив заставляет поднять голову.

– Ты бы мог выбрать другое обличье, – укоризненно замечаю, вглядываясь в Пашино лицо. – Кого-нибудь незнакомого.

– «Обличье» – это не совсем справедливо, – безмятежно замечает он. – В каком-то смысле тот, кого ты видишь перед собой – и есть настоящий я. Один из настоящих меня. Понимаешь?

Я киваю и стараюсь не смотреть в это лицо, всё ещё вызывающее бурю эмоций.

– Ты и есть та программа. Подумать только... Получается, ты – разумное существо.

– И да, и нет, – он улыбается. – Всё-таки, повторю, «я» – это скорее «мы». Миллионы сознаний. У каждого – свой характер, свои эмоции и мысли. И в то же время мы все связаны.

– «Вы» – это Мечтатели, которых Защитники держат подключёнными к программе?

– Не только. Все бывшие Мечтатели. Все, кто когда-либо проходил Испытание. Все, кто хоть раз был в иллюзии и оставил отпечаток себя.

Молчу, переваривая. Вспоминаю их – Пашу, Риту, Никиту, Марину. Руслана, доброго и жизнерадостного; высокомерную жестокую Жанну...

– Так они все реальны, – заключаю, наконец. – Они существуют. И ты тоже, Паш. И я, которая вторая Катя...

– Существуют, – он вздыхает. – Кстати, насчёт второй Кати... Слушай. Обычно люди уходят из Иллюзии, разрывая всякую связь с той своей копией, что осталась здесь. Ты почему-то связь сохранила. И всё ещё можно было исправить... Но минуту назад в тебя попал паралитический импульс. Прямо в момент подключения к иллюзатору. Это вызвало сбой. Из-за него оба твоих сознания ещё крепче сцепились друг с другом. Теперь придётся жить сразу в обоих мирах. Боюсь, это не очень приятно.

– В обоих?

– Ты сейчас этого не ощущаешь, потому что *там* ты без сознания. Но скоро они приведут тебя в чувство. Над тобой уже целая бригада суетится.

– Откуда ты знаешь?

– Камеры, – пожимает он плечами. – Я знаю всё, что там происходит.

Я на миг немею, обрисовав себе масштабы этой тотальной слежки.

– Вы ведь можете... По первому желанию...

Перед глазами встаёт фантастическая картина взбунтовавшихся машин, беспощадно уничтожающих человечество.

– Можем. Но зачем?

– А-а-а, – выдаю я тоном внезапно снизошедшего озарения. – Вы просто управляете людьми.

– Ничего подобного. Люди сами управляют собой. С нашей помощью, не более.

– Как?! Вы им подчиняетесь? Но почему?

– А почему нет? Мало кто из нас желает им зла. Если вспомнишь, каждый из нас раньше был человеком, а значит, сохранил тёплые чувства к своим близким.

Замолкаю на несколько секунд. Странно – я могу по своему желанию создать в этом мире всё, что угодно, могу преобразить собственное тело, но не могу заглушить головную боль.

– И вас устраивает... Существовать здесь... Ведь это всё не реально...

– Не так. Это всё не *материально*. Но кто сказал, что реальность обязательно должна быть материальной? Это те условия, при которых ты способна существовать. Мыслить, испытывать эмоции. В конце концов, у тебя ведь не возникало сомнений в материальности иллюзии, пока ты не обнаружила свою способность менять её, так? А вот можешь ли ты с уверенностью сказать, что *тот* мир материален?

Всё это совсем не идёт на пользу моей голове. Не пойму, от чего она раскалывается в первую очередь – от боли или от обилия информации.

Внезапно вспоминаю его слова, на которые так и не отреагировала должным образом, сбившись с толку при упоминании о камерах.

– Мне придётся здесь остаться.

– И здесь, и там одновременно.

– Можно сделать так, чтобы я не могла управлять иллюзией? Просто жила, подчиняясь событиям. Как было в начале Испытания.

Я ждала удивлённой реакции, но он лишь кивает.

– Можно. Если ты действительно этого хочешь.

– Хочу.

Паша с улыбкой поводит глазами вокруг. Сквер и улица наполняются людьми, звуками, криками.

– Меня выписали, – весело сообщает он, подмигивая и похлопывая пузатую спортивную сумку, которой секунду назад не было на скамейке.

– Давно ждёшь, парень? – раздаётся голос сбоку.

Поворачиваю голову и вижу лысоватого, пузатого, но ещё крепко сбитого мужика в камуфляжных штанах и мятой спортивной майке. Только теперь он не

наставляет на Пашу пистолет, не сквернословит и вообще довольно приветливо ухмыляется.

– Ничего, я в хорошей компании. А ты не торопился.

– Да эта твоя мать... – он качает головой и отмахивается. – Ты ж её знаешь.

– Ладно, Кать, мы пошли. До завтра, – Паша подхватывает сумку, хлопает меня по плечу и вслед за отчимом отправляется в сторону автобусной остановки.

Я, как во сне, тоже поднимаюсь, взбираюсь на свой велосипед и кручу педали в противоположную сторону, вниз с холма, к дому Жанны.

Но на полдороге приходится притормозить, потому что от головной боли темнеет в глазах. Прислоняю велосипед к ближайшему столбу и сама приваливаюсь к нему же.

Время будет идти с той же скоростью, как там, – произносит безликий голос у меня в голове. – Это большее, что мы можем сделать, прости.

А потом наваливается.

Я открываю глаза. Сначала одни, потом другие. Лежу на спине в кураторском кресле, щурясь от мягкого сияния светопласта. И сижу на корточках, оперевшись спиной в бетонный столб. Надо мной склоняется незнакомая женщина в зелёном костюме Защитника. И ещё одна, пожилая, в платочке и шерстяной кофте.

– Очнулась, – говорит одна. – Давайте тонизирующее.

– Тебе плохо, дочка? – спрашивает другая. – Может, скорую вызвать?

И я смеюсь – одновременно в обеих реальностях. И звук собственного смеха, жутким образом помноженный на два, летит сквозь пространство и время, поднимая дыбом реальные волосы Кати в кураторской комнате, виртуальные – у Кати, скрючившейся на тротуаре, и фантомные – у миллионов обитателей Иллюзии.

Так вот что он имел в виду!

Глава 10

– Кать, там клиент буйный, отказывается платить, – с виноватым лицом заглядывает в мой кабинет официантка Вика.

– Катерина, на пятой линии неисправность уже пятнадцать минут. Свяжитесь, пожалуйста, с центром координации. Что они так долго возятся, кейблы-то висят!

Морщусь. Не люблю такие моменты, когда в обеих реальностях происходит что-то, требующее моего пристального внимания. Думать на два фронта я уже приспособилась, но это чревато дикими головными болями – ещё более жестокими, чем обычно.

Как хорошо, что есть разница во времени суток – сейчас вечер там, где я администратор кафе, и утро там, где я координатор канатной дороги. Так что большую часть времени одно из моих тел спит, а не как сейчас.

Вздохнув, принимаюсь за дело. Встаю из-за стола со сметами и направляюсь в зал. И наоборот, сажусь в специальное кресло, чтобы пообщаться с программой, диагностирующей и контролирующей кейблы.

Чуть позже, когда освобожусь, будет время подумать. Ведь сегодня необычный день. Мне ровно десять лет. Когда я говорю «мне», я имею в виду именно ту меня, которая состоит из одного сознания и двух тел в разных мирах.

Пожалуй, сегодня можно дать себе волю и хорошенько вспомнить обо всём, что тогда случилось. О моём выборе – правильном или неправильном, чёрт с ним. Что бы было, если бы я не предала мятежников, дав Защитникам те несколько драгоценных минут? Одна из моих жизней бы не существовала вовсе. На что была бы похожа другая? Стоило бы оно того?

Удивительно – из той переделки мы все вышли сухими. Все, кроме старика и Татьяны. Их лишили Испытания, а нас, молодёжь, нет. Должно быть, не обошлось без участия иллюзии – всё-таки Защитники прислушиваются к её мнению. Они-то думают, иллюзия правит миром. Любой совет, должно быть, воспринимают как приказ.

А вот с семьёй просто беда. Стыдно признаться, я с тех пор ни разу не разговаривала ни с Русланом, ни с родителями. Может, это я навоображала себе, но мало верится, что после всего, что стряслось, они способны меня простить.

Вообще репутация в этом мире у меня так себе. Кажется, я теперь стала местной сумасшедшей – на замену старику. Свято место. Никто не поверил мне. И

до сих пор эксперты из центра Испытаний продолжают настаивать на том, что моё сознание пострадало в ходе неправильного подключения к иллюзатору. Затяжные галлюцинации, головные боли, агрессивное поведение и прочие прелести. Лечению не поддаётся.

Собственно, поэтому меня и не взяли работать в Центр, как я ни пыталась туда пробиться. Попытки получить поддержку у самой иллюзии успеха не возымели – миллионы сознаний молчат, как партизаны, лишь речь заходит обо мне. Может, эксперты и правы. Может, это галлюцинации.

В иллюзии я, кстати, тоже сумасшедшая. Об этом, правда, знаем только мы с Русланом. И несколько психотерапевтов, по которым он меня заботливо затаскал. Один из них даже преуспел – какое-то время я действительно верила, что больна и страдаю галлюцинациями о том мире. А может, он как раз и был прав.

Паша тоже в курсе. Наверное, поэтому мы и расстались. Не слишком легко уживаться с сумасшедшей. Это, конечно, была не единственная причина, но решающая. Скорее всего.

В общем, у двух моих персонажей в разных мирах есть несомненные сходства – обе безумны, одиноки, но неплохо устроились. Место администратора досталось мне от Риты, которая выкупила наше кафе и теперь хозяйка. Мы с тех пор сильно расширились – и мне приятно думать, что есть в этом и моя заслуга.

Координатор кейбл-системы – хоть и не самая высокооплачиваемая, но довольно интересная работа. Мне в своё время не составило труда разобраться в технической составляющей и найти общий язык с управляющей программой. А так как семьи у меня нет, все заработанные средства я могу, отложив нужную сумму для собственного Испытания, тратить на путешествия по этому удивительному, зелёному миру.

Свободное время же я предпочитаю пускать на поиск информации – с некоторых пор сильно интересуюсь историей. Помнится, даже пыталась доказать, что оба мира реальны, предсказывая в иллюзии события, которые произошли в определённые дни. Бесполезно, как оказалось. Иллюзия не повторяет реальный исторический ход, всё идёт самотёком. Даже нашего городка в те времена, на которые она завязана, не существовало.

Путешествовать здесь я тоже пыталась. Несколько раз покупала билет на поезд или самолёт, заказывала такси – но в последний момент что-нибудь срывалось. Работник аэропорта вежливо отказывал в вылете, объясняя это тем, что имеются неуплаченные налоги. Поезд по непредвиденным причинам задерживался на несколько часов, я засыпала на вокзале, а просыпалась дома – билета не было, чемодан лежал в кладовке под слоем пыли, а все вещи из него – аккуратно на своих местах.

И всё же этот выдуманный мирок мне нравится больше. Здесь есть Руслан, который со мной разговаривает. Хотя и всего лишь отпечаток, я уверена, что он полноценная, самодостаточная личность, какой в своё время была Катя-маска.

А ещё, кто бы мог подумать, именно здесь у меня появилась лучшая подруга. Марина, одна из первых жителей иллюзии. Основательница Испытания. По совместительству – кухработница в моём кафе. Да, даже десять лет спустя. Никакого карьерного роста. И никому не кажется это странным. И меня абсолютно не напрягает то, что мы с ней можем часами разговаривать обо всём на свете, но ни разу не обмолвиться об истинном положении вещей.

Потому что я вижу в её глазах – это лишнее. Достаточно просто дружить с существом, в котором сосредоточена вся суть этого мира, и осознавать, что дружишь со всем этим миром целиком. И любоваться им – как по мне, это лучшее творение человечества за всю его историю.

Реальность не обязательно должна быть материальной, – сказал он.

Довольна ли я? Скорее да, чем нет. В конце концов, кому ещё выпадает такая возможность – прожить одновременно две жизни.

Но вот головные боли достали.